И 282/43

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ИСТОРІИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1812 ГОДА.

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНІЕ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

СЪ НѢКОТОРЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

НА ИСТОРІЮ ЭТОЙ ВОЙНЫ,

СОЧ. Г. М. **Богдановича.**

НАПЕЧАТАННАЯ ВЪ РУССКОМЪ ИНВАЛИДѢ № 32, 33 и 34. — 1861 г.

Н. П. Липранди.

АПРѢЛЬ,
1861 года.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1861.

~~I~~
~~10652~~
Лк
6232

И 282/43

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ИСТОРІИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1812 ГОДА.

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНІЕ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ
СЪ НѢКОТОРЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ
НА ИСТОРІЮ ЭТОЙ ВОЙНЫ,
СОЧ. Г. М. **Богдановича.**

НАПЕЧАТАННАЯ ВЪ РУССКОМЪ ИНВАЛИДѢ № 32, 33 И 34.—1861 Г.

Н. П. Лиранди.

XXI
5100

АПРѢЛЬ,
1861 ГОДА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 15 апрѣля 1861 года.

Цензоръ *Ст. Лебедевъ.*

2007110183

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНІЕ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ (*)

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ И. П. ЛИПРАНДИ,

СЪ НѢКОТОРЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

НА ИСТОРІЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1812 года,

Соч. Г. М. Богдановича.

...Таковъ былъ исходъ исполинской битвы, не представляющей, со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія — по сей часъ — другой подобной, какъ по политическому характеру самой войны вообще, такъ и потому, что въ этотъ великій день, на поляхъ Бородинскихъ, сошлись, съ разныхъ сторонъ, искуснѣйшіе и опытнѣйшіе вожди — и въ головѣ противниковъ нашихъ, въ превосходной противу насъ числительности, стоялъ — геній своего времени — государь-полководецъ, съ закаленными въ двадцати-лѣтнихъ побѣдоносныхъ бояхъ дружинами, подъ частнымъ предводительствомъ королей, герцоговъ и другихъ знаменитыхъ

(*) Въ запискахъ этихъ подробно изложено дѣйствіе только 6-го корпуса генерала отъ инфантеріи Дохтурова, занимавшаго центръ позиціи. Остальное же изображено въ главныхъ чертахъ.

лицъ. Въ особенности ужасный день этотъ, или только нѣсколько часовъ изъ онаго, замѣчателенъ по кровопролитію и упорству, оказанному во взаимныхъ натискахъ, искусно управляемыхъ частными начальниками.

За всѣмъ тѣмъ, однако же, Бородинское сраженіе ожидаетъ еще своего опытнаго, безпристрастнаго историка, не смотря на то, что оно уже описано, чуть-ли не столькими же повѣствователями, участниками и не участниками, какъ и битва при Марафонѣ. Но между этими двумя столкновеніями представляется та разница, что изъ болѣе трехъ сотъ историковъ (*), воспѣвшихъ подвиги, совершенные въ первомъ, соотечественниками ихъ греками, принадлежали одной сторонѣ, ибо противники грековъ, персіяне, едва ли описывали свое пораженіе, тогда какъ Бородинская битва, и отдѣльно, и въ общихъ описаніяхъ войны 1812 года, изобилуетъ повѣствователями — съ одной стороны — русскими; съ другой же, и несравненно въ большемъ числѣ, она описана не одними повѣствователями французскими, но и саксонскими, виртембергскими, баварскими, вестфальскими и иными изъ германскихъ племенъ, а равно неаполитанскими, и другими итальянскими, а наконецъ польскими, находившимся подъ Бородинымъ, въ арміи Наполеона, въ отдѣльныхъ составахъ, своихъ войскъ, и каждый изъ сихъ повѣствователей искалъ, въ томъ или другомъ случаѣ, украшать подвиги своихъ родныхъ войскъ. Австрійцы и пруссаки, также, между изложеніями своихъ отдѣльныхъ дѣйствій, описывали

(*) Луціанъ сравниваетъ страсть грековъ писать исторію, съ эпидемическою болѣзнію Абдеріанъ (Abderiens), очень похожую на сумасшествіе.

и Бородинское сраженіе, не участвовавъ въ оном. Изъ сего должно исключить тѣхъ, въ особенности прусскихъ офицеровъ, которые временно, въ 1812 году, служили по преимуществу въ нашемъ генеральномъ штабѣ, и издавали записки, обнимающіе болѣе, тотъ кругъ дѣйствій, гдѣ каждый изъ нихъ находился. Но и у нихъ мало можно найти безпристрастія. Мы имѣемъ и англійскихъ повѣствователей о войнѣ 1812 года, но также — не участвовавшихъ въ Бородинскомъ сраженіи.

Отъ всего этого, естественно, проистекла бѣздна противорѣчій, путаницы, которая и будетъ господствовать до тѣхъ поръ, пока всѣ эти многочисленныя повѣствованія, объ однихъ и тѣхъ же эпизодахъ, не будутъ тщательно подвергнуты критическому разбору, очищены и, наконецъ, происшедшій отъ того результатъ — сближенъ съ тѣми данными, которые можемъ представить и мы, но также по строжайшей, *безпристрастной* критикѣ. Тогда только выйдетъ что либо небезобразное. До сихъ же поръ, ничего этого не сдѣлано.

Года за два предъ симъ, я повторилъ сказанное мною еще въ 1832 году, о средствахъ, которые тогда, по моему мнѣнію, представлялись къ достиженію правильнаго изложенія, какъ Бородинской битвы, такъ и всей войны 1812 года; но теперь, средства эти едва ли уже удобоисполнимы: ибо я остаюсь при томъ непоколебимомъ убѣжденіи, что если историкъ, положимъ даже и свѣдующій въ военномъ дѣлѣ, не участвовалъ въ событіи, котораго частности онъ взялся описывать, то повѣствованіе его не будетъ удовлетворительно, въ той степени, когда бы составилъ оное очевидецъ, разумѣется понимающій дѣло, и не одинъ, а съ содѣй-

ствіемъ другихъ. Пусть пройдетъ еще немного лѣтъ, и тогда, вмѣстѣ съ участниками, едва ли не исчезнетъ и возможность передать Бородинскую битву правильно, удобо-понятно, а потому и поучительно. Немногимъ изъ насъ прійдется отпраздновать пятидесятилѣтній юбилей этой кровавой *купьли*, и едва ли кто доживетъ до освященія храма Спасителя въ Москвѣ (*). Участники отечественной войны, исчезаютъ въ геометрической прогрессіи, что и не можетъ быть иначе, ибо время беретъ свое. Въ послѣднія, не съ большимъ пять лѣтъ, мы лишились многихъ, бывшихъ въ ту эпоху генералами, на болѣе или менѣе значительныхъ постахъ: адмирала Чичагова, въ то время главнокомандующимъ дунайской арміи и на Березинѣ; графа Остермана-Тол-

---

(*) Изъ 6-го корпуса, Дохтурова (которому выпалъ жребій въ 1812 году защищать Смоленскъ 5-го августа, въ Бородинѣ составлять центръ всей боевой линіи, отъ Горокъ до центральной батареи, имъ отстаивавшейся, а корпусному командиру принять начальство послѣ раны князя Багратіона надъ лѣвымъ крыломъ и тамъ, не смотря на разстройство онаго, устоять противу всѣхъ усилій Наполеона; 12-го октября, подъ Малоярославцемъ, цѣлый день, до прибытія арміи изъ Тарутина, удерживать всѣ натиски превосходнаго въ числѣ непріятеля), сколько мнѣ извѣстно, участниковъ въ Бородинской битвѣ остается еще генералъ отъ кавалеріи Дубельтъ, тогда поручикъ Исковскаго полка, старшій адъютантъ корпуснаго штаба; генералъ отъ инфантеріи (П. А.) Данепбергъ, тогда прапорщикъ генеральнаго штаба; г.-л. сенаторъ (Н. М.) Дохтуровъ, тогда Л. Г. Семеновскаго полка капитанъ, адъютантъ командира 6-го корпуса; г.-л. (А. И.) Бѣлогужевъ, тогда поручикъ, ротный командиръ Ширванскаго полка; г. л. (А. И.) Вальцъ, тогда прапорщикъ въ артиллерійской ротѣ Веселицкаго, и я исправлявшій должность оберъ-квартирмейстера. Другихъ не знаю въ живыхъ.

стаго — корпуснымъ командиромъ, князей Паскевича и Воронцова (оба, въ послѣдствіи, фельдмаршалы); Принца Евгенія Виртембергскаго, князя Шаховскаго — дивизіонными начальниками (*); полковника (Я. И.) Вальца, уцѣлевшаго только съ братомъ своимъ (нынѣ г. л.), изъ батарейной роты Веселицкаго, при защитѣ центральной батареи въ Бородинѣ; г. а. графа (Л. А.) Перовскаго. Съ небольшимъ же въ два года и въ особенности въ текущій 1860 годъ, только изъ лицъ, съ которыми я былъ (съ нѣкоторыми еще съ Финляндской войны 1808 и съ 1812 года), болѣе или менѣе въ близкихъ отношеніяхъ и знакомствѣ, исчезли, походный атаманъ г. л. (М. М.) Кузнецовъ; г. л. (К. М.) Полтарацкій; графъ (А. Д.) Гурьевъ, г. м. баронъ (В. И.) Левенштернъ; лейбъ-медикъ (Н. Ѳ.) Арендтъ, генералъ отъ инфантеріи Теннеръ, г. м. (П. И.) Фрейгангъ — товарищъ мой съ дѣтства и по службѣ; д. т. с. (Д. В.) Кочубей; г. м. Албрехтъ и недавно генералъ отъ артиллеріи Арнольди; генералъ-маіоры: (Р. Ѳ.) Герингросъ; Унгернъ-Штернбергъ; г. л. сенаторъ (А. И.) Мясоѣдовъ и, наконецъ, 3-го ноября умершій въ Москвѣ г. л. л. (В. Д.) Иловайскій, имя котораго тѣсно соединено съ воспоминаніемъ освобожденія первопрестольной нашей столицы, въ 1812 году (**). Большая часть помянутыхъ сподвижниковъ имѣли совре-

---

(*) У насъ, однакоже, сохранились г. а. графъ П. П. Паленъ, бывшій въ 1812 году, корпуснымъ командиромъ и А. П. Ермоловъ начальникомъ штаба 1-й арміи. Они суть единственные представители той эпохи, въ возвышенныхъ чинахъ въ цѣлой Европѣ.

(**) Въ послѣдствіи я намѣренъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

менныя записки въ разныхъ видахъ; сколько бы онѣ могли послужить къ объясненію мѣстъ, доселѣ остающихся темными, къ устраненію чего, не участвовавшій въ томъ дѣлѣ, которое описываетъ, никогда не въ состояніи исполнить, чтобы не впасть въ бездну промаховъ всякаго рода.

Вотъ напримѣръ, пока три–четыре, изъ сотень доказательствъ въ пользу моего убѣжденія, которое представляетъ исторія отечественной войны 1812 года соч. г. м. Богдановича (*).

Донна Марія Анна Фернанда Леопольдина Михаелля Рафаелля Габріелля Шарлотта Антонія Юлія Викторія Пракседесъ Франциска Д'Ассизи Гонзаго де Браганца Бурбонъ и т. д.

Это одно и то же *лице*.

А вотъ и одинъ и тотъ же *пунктъ*.

Люнетъ; батарея Раевскаго; — Редутъ; Важная высота; Курганная батарея, и просто *батарея; Укрѣпленіе, составляющее ключъ нашей позиціи; — Высота центра; — Курганъ Раевскаго; — Большое укрѣпленіе*, — и просто *укрѣпленіе; — Высота съ 18-ю орудіями; Курганъ ключъ позиціи*, — и просто *курганъ* (**)

(*) Замѣчанія болѣе пространныя на нѣкоторыя мѣста этого сочиненія, будутъ напечатаны особенною книгою.

(**) Здѣсь также, мимоходомъ, замѣчу, что описаніе битвъ на этомъ курганѣ, т. е. *Центральномъ* и на курганѣ лѣваго фланга, при Утицѣ, часто встрѣчается очень близко, иногда чрезъ нѣсколько строчекъ, что какъ-то не гладко, и невольно заставляетъ пріостановиться, пока поймешь и припомнишь имена дѣйствующихъ лицъ, но и тутъ, какъ напримѣръ, принцъ Евгеній упоминается и при томъ, и при другомъ курганѣ; конечно, чистота изложенія, требовала бы вниманія и на это.

въ томъ же значеніи; *Высота съ частію артиллеріи* и просто *высота* въ томъ же значеніи; — *Укрѣпленная высота;* — *Центральная батарея;* — *Курганное укрѣпленіе.*

При описаніи Бородинскаго сраженія г. м. Богдановичъ такъ называетъ, поперемѣнно, *одинъ и тотъ же пунктъ*, и именно укрѣпленіе, которое было наскоро построено на высотѣ, въ интервалѣ между первой и второй арміями (6-мъ и 7-мъ корпусами).

Въ обоихъ случаяхъ это сбивчиво, да пожалуй и вовсе не попятно, для тѣхъ, которые въ первомъ: не твердо изучили имена и титулы грандовъ Пиренейскаго полуострова, а потому изъ дюжины этихъ именъ, упоминая поперемѣнно то одно, то другое, могутъ легко принять каждое изъ нихъ за принадлежащее особому лицу. То же самое и во второмъ, встрѣчающемся у г. м. Богдановича, не съ *лицемъ*, а съ *пунктомъ*, *съ ключемъ Бородинской позиціи!* (*).

(*) Почтенный авторъ можетъ найти изложеніе нѣкоторыхъ мѣстъ этой статьи, нѣсколько сильнымъ — пусть; но говоримое мною основывается на приводимыхъ фактахъ, и во всякомъ случаѣ не носитъ характера Птоломеевыхъ *я* или разсказовъ Мюнхгаузена, съ которыми онъ такъ остроумно сравнилъ мои засвидѣтельствованія того, въ чемъ я лично участвовалъ, и которые однако же, въ послѣдствіи, послужили для его исторіи, разумѣется безъ ссылки на меня. Въ настоящихъ замѣчаніяхъ я руководствовался, при изложеніяхъ, мнѣніемъ адмирала Шишкова (записки стр. 247), сказавшемъ «правда груба, но при здравомъ разсудкѣ убѣдительнѣе мягкой лести» Наука, въ особенности военная, вырабатывается полемикою, въ которой каждый предметъ долженъ быть называемъ своимъ именемъ. Гласность произнесетъ свой приговоръ.

Повѣствуя о разныхъ предположеніяхъ укрѣпить эту высоту, почтенный авторъ говоритъ, что: «Бенигсенъ предлагалъ сильное сомкнутое укрѣпленіе, съ амбразурами кругомъ», въ которое онъ думалъ помѣстить 36 орудій и т. д.

«Толь предлагалъ сдѣлать на семъ мѣстѣ люнетъ». «Кутузовъ предпочелъ мнѣніе Толя.» Слѣдовательно, и приступлено къ сооруженію *люнета*.

На слѣдующей 142-й страницѣ читается: Въ центрѣ *предполагали* устроить сильное укрѣпленіе, въ *видѣ бастіона съ полутенаплями по сторонамъ его* (*), но на это *не доставало ни времени, ни средствъ*, а потому сей пунктъ, вопреки показаніямъ иностранныхъ писателей, былъ укрѣпленъ слабо и т. д.»

Но кто *предполагалъ* этотъ бастіонъ съ полутенаплями по сторонамъ, не сказано, и также какъ и предложенія Бенигсена и Толя, оставлены безъ цитатъ, которые были необходимы; ибо самъ г. м. Богдановичъ въ такихъ случаяхъ свидѣтельствовать ничего не можетъ, а долженъ говорить одно только то, что говорили другіе. Обстоятельство же чрезвычайно важное, ибо дѣло шло объ укрѣпленіи *ключа позиціи*, какъ по засвидѣтельствованію самого автора, пунктъ сей былъ тотчасъ, по прибытіи на позицію — *такъ признанъ*. Относительно того, что *не доставало ни времени, ни средствъ* устроить помянутый бастіонъ съ полутенаплями, скажемъ далѣе, а здѣсь дѣло вотъ въ чемъ.

Само собою разумѣется, что небывшіе подъ Бородинымъ, но посвятившіе себя точному изученію этого сраженія, хотя и пожмутъ плечами, но, не сводя глаза

(*) Это что-то мудреное.

съ плана, добьются толку; всѣ же другіе могутъ принять эти разнородныя названія за отдѣльныя, въ разныхъ мѣстахъ устроенныя укрѣпленія, изъ коихъ: *батарея, люнетъ* и *редутъ* представляютъ между собою большую разницу, а отъ этого происходитъ путаница, въ которую никакъ не могъ бы впасть участникъ въ битвѣ.

Еще замѣчательно то, что изъ *ста десяти разъ*, что это укрѣпленіе упоминается подъ разными фирмами; только *одинъ разъ* оно названо правильно — *Центральной батареей*, и кѣмъ еще оно такъ названо? просто Барклаемъ, въ донесеніи Кутузову! Кажется, чего бы автору желать лучшаго авторитета, — а нѣтъ, — онъ изъ числа этихъ ста десяти разъ называетъ оное *двадцать пять разъ, батареею Раевскаго!* Тогда какъ изъ приведенныхъ имъ же самимъ рапортовъ Барклая, Ермолова, даже Раевскаго, и другихъ цитатъ *нигдѣ* она такъ не называется, и не могла такъ называться, хотя почтенный авторъ, въ статьѣ своей, помѣщенной въ 1858 году въ 1-мъ № «Военнаго Сборника», сильно утверждалъ, что батарею эту *отцы наши привыкли называть батареею Раевскаго*, — а нынѣ перебравъ всѣ имѣющіеся въ архивахъ матеріялы, онъ, по видимому, не могъ отыскать *ничего*, чѣмъ бы подкрѣпить свое поэтическое воображеніе и, конечно, не упустилъ бы этимъ воспользоваться, ибо, возражая, въ помянутой выше статьѣ, на мою (*), почтенный авторъ съ такою самоувѣренностью поддерживалъ свое мнѣніе, что простеръ даже обязательность свою до сравненія меня съ Птоломеевымъ *я*, присовокупивъ къ тому, что если бы

(*) «Сѣверная Пчела» 1858 г.

полагаться *на мои показанія*, то пришлось бы вѣрить всему тому, что разсказываетъ *Мунхгаузенъ* и т. д. Но какая, въ два года, оказалась перемѣна во мнѣніи г. м. Богдановича? Въ настоящую исторію свою, онъ взялъ цѣликомъ все то, что относится до центральной батареи, до мнѣній Беннигсена и Толя, до степени состоянія батареи или неоконченнаго люнета и многое другое, изъ *Мюнхгаузена*, не цетируя, однако, его (*). А отъ этого самаго и вышло то, что все имъ тутъ сказанное осталось безъ всякаго цитата. Тотъ же, котораго онъ сравнилъ въ своей статьѣ съ нѣмецкимъ юмористомъ, исправлялъ тогда должность оберъ-квартирмейстера 6-го корпуса, велъ дневникъ, и на него было возложено сооруженіе этого люнета. Дѣло въ томъ, что историкъ долженъ неотмѣнно цитировать вводимыя имъ обстоятельства, о которыхъ прежде сего не было и рѣчи; а если уже, по какимъ либо отношеніямъ, онъ не хотѣлъ указать на источникъ, то лучше вовсе было не вводить, ибо и безъ того Бородинское сраженіе, вмѣстѣ съ прочимъ, съѣхало бы съ рукъ. Но совсѣмъ не то съ *батареею Раевскаго*. Почтенный авторъ упорствуетъ такъ называть это укрѣпленіе, хотя и не нашелъ себѣ, какъ уже замѣчено, *ниодь подпоры*, а умиротворяетъ это только тѣмъ, что, *изъ ста десяти разъ, онъ только двадцать пять разъ*, называетъ оный *батареею Раевскаго*, даже и долго послѣ того, когда тутъ и вовсе уже не было ни войскъ Раевскаго, ни его самого, а защищали оный другіе корпуса и другіе генералы. Это обстоятельство, какъ бы наводитъ на извѣстный малороссійскій разсказъ о двухъ спорящихъ

(*) По логикѣ же выходитъ, что Мюнхгаузенъ-то вѣдь не я!

изъ упрямства, изъ коихъ одинъ утверждалъ, что овца *брита*, другой что *стрижена; нѣтъ! брита! нѣтъ! стрижена!* и т. д. Дайте достовѣрный цитатъ, тогда и я признаю такъ, какъ это будетъ слѣдовать, а безъ того нельзя вводить въ исторію вымышляемое, и изъ одной настойчивости поддерживать то, чего фактически доказать нельзя, какъ это видно изъ самаго сочиненія. Бородинская же битва достойна, по всѣмъ отношеніямъ, быть правильно передана новому поколѣнію и потомству. Слава нашей арміи того требуетъ; и честь нашей военной литературы поставляетъ это первою обязанностію. Посмотрите, какое, въ настоящее время, наши литераторы обратили вниманіе на возстановленіе правильности, даже въ стихотвореніяхъ извѣстныхъ поэтовъ, въ сочиненіи которыхъ, въ послѣдствіи, вкрались перестановки словъ, или подобныя тому искаженія (*).

(*) Въ исторіи же г. м Богдановича, встрѣчаются болѣе, чѣмъ перестановка стиховъ, такъ, напримѣръ, описывая одинъ эпизодъ Бородинскаго сраженія, онъ пожелалъ украсить оный краснорѣчивою фразою слѣдующаго состава: *напоминало воображенію* послѣдній день міра. Напоминать воображенію то, чего еще не было, кажется, нельзя. *Представляла* воображенію это еще и такъ и сякъ, въ особенности, если почтенный авторъ читалъ какое-то путешеетвіе барона Брамбеуса на медвѣжій островъ, гдѣ, въ одной изъ пещеръ, отысканы были мнимые гіероглифы, и кто-то взялся перевести ихъ; тутъ точно идетъ рѣчь объ окончаніи мира, но и то, кажется, предшествовавшаго, и есть прекрасныя картины этой катастрофы. Глубокомысленный Гумбольдтъ, описываетъ только созданіе и образованіе нашей планеты, но не описалъ послѣдняго дня міра. Эта фраза г. профессора равносильна фразѣ Михайловскаго-Данилевскаго, то же о Бородинскомъ днѣ: «ночь освѣтила новые пожары».

Какимъ же образомъ допускать, или позволять себѣ, самопроизвольно, чрезъ полвѣка, вводить въ исторію то, о чемъ нѣтъ нигдѣ и помина? Въ Бозѣ почившій Императоръ, собравъ, въ 1839 году, на Бородинскихъ поляхъ значительную часть войскъ, воздвигъ, 26-го августа, великому дню, на центральной высотѣ, памятникъ, подъ которымъ былъ преданъ землѣ, перевезенный тогда же прахъ князя Багратіона (*). Нынѣ благополучно царствующій Государь уважаетъ память этой кровавой купѣли: Священное Короноваціе происходило 26-го августа; торжество тысячелѣтія Россіи въ 1862 году, говорятъ, назначено такъ же на 26 августа. День этотъ будетъ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ и Бородинскому побоищу; человѣкъ двѣнадцать, а много тринадцать, участниковъ, лѣтами своими, въ сложности, представятъ изъ себя тысячелѣтіе, а трое изъ нихъ и юбилей освобожденія Россіи, или правильнѣе, Москвы, отъ Поляковъ въ 1612 году.

Въ заключеніе сего періода замѣчу, что вмѣсто того, чтобы совершенно, *безъ всякихъ данныхъ*, упорствовать о названіи центральной батареи, *батареею Раевскаго*, было бы лучше не выпускать подвиговъ, принадлежащихъ *прямо къ Отечественной Исторіи*, а именно: когда въ сраженіи при Салтановкѣ, Раевскій, Васильчиковъ и весь штабъ сошли съ лошадей и стали въ головѣ Смоленскаго полка, идущаго чрезъ плотину, безъ вы-

(*) Г. м. Богдановичъ ни слова не говоритъ о семъ, какъ равно о монастырѣ, построенномъ на мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ генералъ-маіоръ А. А. Тучковъ 4-й, вдовою его Маргаритою Михайловною, урожденною Нарышкиною, которая въ цвѣтѣ лѣтъ постриглась въ инокѝни онаго: вѣдь все это принадлежитъ къ исторіи отечественной войны.

стрѣла, подъ убійственнымъ огнемъ, одинъ изъ сыновей Раевскаго сказалъ ровеснику своему, шестнадцатилѣтнему подпрапорщику: «дайте мнѣ нести знамя», и получилъ въ отвѣтъ: «я самъ умѣю умирать», — какъ же было умолчать въ отечественной войнѣ, о подвигѣ, объясняющемъ великія свойства русскаго. Вельможа-отецъ, сопровождаемый двумя единственными, несовершенно-лѣтними еще, сыновьями своими, подъ градомъ ядеръ, гранатъ, картечи и пуль — и, въ эту минуту, сынъ его требуетъ нести знамя! Отвѣтъ подпрапорщика столь же великъ. Между тѣмъ, какъ ничтожные эпизоды, не имѣющіе никакого общаго интереса въ отечественной войнѣ, нашли въ ней мѣсто! Несомнѣнно, что для находящихся еще въ живыхъ сына и двухъ дочерей Н. Н. Раевскаго, было бы несравненно пріятнѣе найти въ исторіи отечественной войны подвигъ отца своего, равняющійся со всѣмъ тѣмъ, что исторія повѣствуетъ намъ о великомъ характерѣ нѣкоторыхъ изъ древнихъ римлянъ, чѣмъ, повторяю, ни на чемъ неоспованную и ничего незначущую полемику: какъ называлась центральная батарея подъ Бородинымъ? Можетъ быть, и подпрапорщикъ еще живъ, и имя его было бы украшеніемъ этого эпизода. Г. м. Богдановичъ не можетъ сказать здѣсь, что онъ *не имѣлъ этого въ виду*, и потому не помѣстилъ на свои страницы. Нѣтъ, онъ это читалъ у Данилевскаго и, составивъ выписку изъ онаго о дѣлѣ при Салтановкѣ, цитировалъ даже, но внесъ изъ него только то, что было ему угодно. Всѣмъ же современникамъ подвигъ Раевскихъ былъ извѣстенъ.

Еще одинъ эпизодъ изъ общихъ замѣчаній, который не могъ бы быть такъ представленъ, если бы его опи-

сывалъ очевидецъ, участникъ: это свиданіе Кутузова съ Лористономъ въ Тарутинѣ. Вотъ вкратцѣ пока, сущность онаго. Спрашивается: если-бъ кто ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, изъ Царскаго Села въ Петербургъ (къ амбаркадеру), проѣхалъ ли бы онъ *на этомъ пути поперегъ весь Васильевскій островъ?* А между тѣмъ, въ исторіи отечественной войны — это такъ! даже вопреки приложенному плану!

Слѣдовательно, если уже авторъ, извѣстный своими военно-литературными трудами, и получившій всевозможныя средства, къ точному изложенію исторіи отечественной войны, могъ впасть въ великое множество погрѣшностей, то чего можно ожидать отъ другихъ, не пользующихся авторитетомъ учености, подобно помянутому выше историографу, и берущихся описывать *частности* невидѣнныхъ ими сраженій (*). Опасное поприще при жизни еще участниковъ, и вредное по результатамъ своимъ, если всѣ промахи будутъ оставаться незамѣченными, или отъ не желанія вступать въ полемику съ оффиціяльными военными историками, или

(*) Не только что Вальтеръ-Скотъ, Керъ-Портеръ, Тіеръ и имъ подобные вовсе незнакомые съ громомъ орудій, но даже графъ Сегюръ и баронъ Фенъ, сопровождавшіе Наполеона въ 1812 году, не чуждые военнаго ремесла, впадали въ большіе промахи, когда вдавались въ описаніе частностей битвъ, хотя и имѣли всю возможность слышать о подробностяхъ оныхъ, въ тотъ же день. Какъ историкамъ, получившимъ общую извѣстность, имъ не слѣдовало бы вдаваться въ описаніе битвъ, и ихъ многочисленныхъ и многосложныхъ моментовъ, что можетъ сдѣлать только одинъ участникъ въ оныхъ. Можетъ быть, онъ опишетъ видѣнное не такъ краснорѣчиво, какъ знаменитые историки, но понятно, въ особенности для тѣхъ, кому подобаетъ знать это.

отъ встрѣчи препятствій къ объясненію факта. Гіеронъ Сиракузскій сказалъ: «хочу, чтобы домъ мой и слухъ были всегда отверзты, и слушали всякаго, кто скажетъ мнѣ правду откровенно и безъ пощады». Этимъ вызовомъ истины исторія только и можетъ прояснятся. Слѣдовательно тѣ, на коихъ лежитъ эта священная обязанность, не должны упускать случая освѣщать мракъ, покрывающій оную. Къ счастію, до сихъ поръ, никто еще не сравнялся съ исторіей отечественной войны г. м. Богдановича.

Описаніе сраженія въ Малоярославцѣ, особенно отличается, болѣе чѣмъ неясностію, происходящею даже и не отъ того только, что самъ почтенный авторъ въ ономъ не участвовалъ. Но, въ строгомъ смыслѣ, онъ извиняется уже тѣмъ, какъ сказалъ въ предисловіи, что употребилъ *три года* на изученіе матеріяловъ (а ихъ вѣдь бѣздна), на сравненіе, на критическій разборъ и, наконецъ, на сочиненіе исторіи. Тутъ онъ исчислилъ всю обширность предначертаннаго имъ труда, а потому, само собою разумѣется, что въ столь короткое время, ему и не было никакой возможности ясно, безъ противорѣчій самому себѣ и т. п., изложить предметъ, и еще съ цѣлію «*объяснить сокровенныя причины дѣйствій, остающихся темными, загадочными, единственно отъ того, что свѣтильникъ истины иногда затмѣвался пристрастіемъ* и т. д. Но какъ же было думать, что *въ три года* можно будетъ одолѣть это, съ великимъ множествомъ еще другихъ предначертаній! Я полагаю, что ни Францискъ Бошато, ни Монткальмъ, ни І. Ф. Баратье, ни самъ знаменитый Пикъ-де-ла Мирандола и имъ подобные одаренные сверхъ-естественными способностями, не совершили бы въ столь короткое время,

отчетливо предначертаннаго г. м. Богдановичемъ труда, въ тѣхъ размѣрахъ, о которыхъ онъ объявляетъ въ предисловіи и въ началѣ XXII главы, съ цѣлію *пополнить своимъ сочиненіемъ остающійся доселѣ пробѣлъ въ исторіи*, и указавъ на *причины*, почему до сихъ поръ большая часть описаній сраженій не *достаточны*, взялся исполнить это удовлетворительно надъ Бородинской битвою, но увы! Здѣсь и *свѣтильникъ истины*, и принятіе на себя сана *жреца истины* — оказались слабой подпорой. Недостатокъ времени, должно полагать, былъ главною причиною, какъ говорится, что «гора родила мышь».

Точно такъ же, въ исторіи г. м. Богдановича встрѣчаются нѣкоторыя сужденія о событіяхъ и мнѣнія о нѣкоторыхъ лицахъ, поражающія своимъ изложеніемъ, тѣхъ, которые были личными свидѣтелями — дѣятелями.

Такъ, напримѣръ, почтенный авторъ, разсуждая о московскомъ пожарѣ, ищетъ всячески отклонить участіе патріотизма москвичей въ сожженіи своихъ домовъ и приписываетъ это бродягамъ и что, «патріотизмъ немногихъ имѣлъ *весьма невыгодное вліяніе* въ глазахъ тѣхъ, которые, потерявъ отъ пожара все свое имущество, сдѣлались невинными страдальцами *чужаго самоотверженія.*» По это сказано такъ, конечно—для фразы, написанной подъ вліяніемъ изученія Шрекенштейновъ, Клаузевицовъ, Беригардовъ, Гофмановъ и другихъ иноземныхъ нѣмцевъ, на коихъ ссылки такъ изобильны въ нашей отечественной войнѣ. Въ другомъ мѣстѣ г. м. Богдановичъ вовсе уничтожаетъ помянутую сентенцію и говоритъ, что «въ Петербургѣ часто встрѣчались люди, потерявшіе въ Москвѣ сотни тысячъ и

пришедшіе оттуда пѣшкомъ въ сермягахъ и лаптяхъ, которые *радовались, что ихъ имущество погибло въ огнѣ, а не досталось ненавистному непріятелю.*»

Послѣ длиннаго періода доказательствъ (разумѣется голословныхъ), гдѣ почтенный авторъ употребляетъ все свое краснорѣчіе, чтобы увѣрить, что сожженіе Москвы, не было *предначертаннымъ* дѣйствіемъ для лишенія непріятеля средствъ къ существованію и которымъ бы *мы могли гордиться*, онъ восклицаетъ: «но этого не было и не могло быть. Исторія не должна приписывать бѣдствіе, постигшее нашу древнюю столицу ни злобѣ Наполеона, ни *самоотверженію москвитянъ*. — Къ чему (прибавляетъ онъ), намъ оскорблять истину *хвастливымъ* изложеніемъ *небывалаго подвига?*»

Но и это опять должно отнести къ страсти къ фразамъ, составленнымъ подъ тѣмъ же вліяніемъ, ибо коль скоро только почтенный авторъ вступаетъ на путь повѣствованія, то совершенно противорѣчитъ вышесказанному и правильно изображаетъ существующій тогда общій духъ въ народѣ. У него же читаемъ, что, начиная отъ границъ Смоленской губерніи (съ Витебской) до стѣнъ Москвы, жители сожигали свои домы, даже хлѣбъ на корнѣ, чтобы не достался непріятелю, въ городахъ, на пути къ Москвѣ, хозяева, оставляя дома свои, предавали ихъ огню. *Что прежде еще занятія Москвы*, жители оной не разъ *предлагали* Ростопчину *зажечь свои домы*, что *хозяева* каретнаго ряда исполнили это тотчасъ по вступленіи непріятеля и множество подобныхъ данныхъ, вовсе уничтожаютъ всѣ фразы. Г. м. Богдановичъ говоритъ, что *не всѣ* жители въ Мо-

сквѣ жгли свои домы (*). Конечно, это правда, ибо *не всѣ* и оставались въ оной: многіе начали оставлять городъ заблаговременно — и даже тѣ, которые оставили его наканунѣ вступленія непріятеля, или даже *въ ночь или утромъ того же дня*, не могли лично предать домъ свой пламени, а всѣ тѣ, которые остались въ Москвѣ, при первомъ удобномъ случаѣ, свято исполнили свой долгъ и потомъ ускользали изъ города. А при томъ небезъизвѣстно было и то, что начальство озабочивалось распоряженіемъ сжечь то, что сами хозяева истребить не успѣли, и противу чего, какъ и самъ г. м. Богдановичъ говоритъ, никто не сѣтовалъ, ибо «потерявшіе сотни тысячъ въ Москвѣ и пришедшіе въ сермягахъ и лаптяхъ въ Петербургъ, *радовались*, что ихъ достояніе содѣлалось жертвою пламени, а *не досталось въ руки непріятелей*.» По моему разумѣнію, исполненіе приказанія въ подобныхъ случаяхъ возвышаетъ еще болѣе народный русскій характеръ, ибо мысль сжечь свой домъ, при оставленіи его, могутъ внушать страсти, вовсе чуждыя патріотизму, но сжечь его, повинуясь общему распоряженію властей — есть подвигъ истиннаго патріотизма. Послушное, самоотверженное исполненіе распоряженій народомъ, несравненно выше дѣйствій, къ которымъ народъ увлекается самъ собою, въ слѣдствіе случайнаго раздраженія его страстей обстоятельствами. Тутъ болѣе чести, болѣе истинной славы для народнаго характера. Мы видѣли Наполеона въ 1814 и 1815 годахъ, употреблявшаго всѣ усилія, чтобы возбудить патріотическій энтузіазмъ въ своемъ на-

(*) *Всѣ!* это я принимаю за игру словъ, объясненныхъ въ общихъ примѣчаніяхъ.

родѣ, но народъ остался глухъ ко всѣмъ энергическимъ воззваніямъ своего императора и ближайшихъ властей, не щадившихъ суммъ, предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе. Наполеонъ и народъ его, въ этомъ случаѣ, не понимали одинъ другаго. Но Ростопчинъ и Москва поняли другъ друга и это, повторяю, отнюдь не служитъ къ умепьшенію заслугъ ни правительства, ни народа, а напротивъ — еще болѣе ихъ возвышаетъ.

Изложеніе пожара Москвы, въ исторіи г. м. Богдановича, такъ неудовлетворительно и переполнено противорѣчіями, что въ общихъ замѣчаніяхъ на это сочиненіе, я вошелъ, при разсмотрѣніи текста, въ нѣкоторыя подробности, чтобы сколько нибудь содѣйствовать къ поясненію этого великаго событія, которое у Михайловскаго-Данилевскаго одинаково перепутано противорѣчіями (*). Но Александръ Ивановичъ кончилъ лучше; заблудившись въ лабиринтѣ умозаключеній, и такъ же, какъ и г. м. Богдановичъ, поперемѣнно приписывая сожженіе Москвы, то русскимъ, то французамъ, съ отвагою разсѣкъ этотъ гордіевъ узелъ, сказавъ, что: русскіе не уступятъ никому этой чести, но что истинными виновниками московскаго пожара были французы: «не приди Наполеонъ въ Москву и она бы не сгорѣла». Это, по крайней мѣрѣ, логично, и спорить нельзя.

Замѣчательно также мнѣніе почтеннаго автора о фальшивыхъ ассигнаціяхъ французскаго издѣлія. Онъ

(*) Въ напечатанной мною книгѣ, въ 1855 году: «Дѣйствительныя причины гибели Наполеоновыхъ полчищъ въ 1812 году», включена отдѣльная статья о *московскомъ пожарѣ*, въ которой сведены, всѣ источники, иноземные и наши.

говоритъ, что нѣтъ на это положительныхъ данныхъ! Въ общихъ примѣчаніяхъ я, вкратцѣ, исчислилъ нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ; остается только удивляться самоувѣренности въ рѣшеніи имъ этого важнаго въ отечественной войнѣ, вопроса.

Одинаково грустно читать очевидцамъ о подвигахъ — лицъ, которыхъ г. м. Богдановичъ оцѣниваетъ по своему; такъ напримѣръ: описывая характеръ князя Кутузова, онъ, между прочимъ, говоритъ: «*Важнѣйшія бумаги*, подносимыя къ подписи фельдмаршала, оставляемы были до *завтра*, и это завтра иногда повторялось *нѣсколько недѣль* и т. д.» Но можно-ли допустить, чтобы Кутузовъ, предводительствуя арміею, и еще противу Наполеона, въ сердцѣ Россіи, могъ *по нѣскольку недѣль оставлять важнѣйшія бумаги безъ подписи*? Положимъ, что это могло, можетъ быть, случаться по какимъ-либо причинамъ, когда онъ бывалъ генералъ-губернаторомъ, но уже отнюдь не какъ главнокомандующимъ противу Наполеона, времени, къ которому почтенный авторъ относитъ это *завтра*. При описаніи свиданія его въ Борисовѣ съ графомъ Аракчеевымъ, прибывшимъ къ нему отъ Государя, Кутузовъ уничтожается не только какъ главнокомандующій всѣми силами государства — но какъ простой человѣкъ! Въ Бородинской битвѣ, по *чистому произволу* г. м. Богдановича, ибо безъ цитата (*), онъ заставляетъ Кутузова,

---

(*) Развѣ это онъ отыскалъ у кого-либо иноземнаго писателя, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ *повторить* цитатъ, ибо нѣкоторые изъ тѣхъ, въ которые случалось мнѣ заглядывать, не всѣ подведены правильно. Теперь же я нѣмецкихъ авторовъ не имѣю, а при томъ и самъ г. м. Богдановичъ въ концѣ

вмѣстѣ съ Беннигсеномъ, вопреки живыхъ еще свидѣтелей противному, съ самаго разсвѣта, находиться въ Горкахъ, а потому, будто бы, онъ «и не могъ имѣть непосредственнаго вліянія на ходъ дѣла и проч.» Но въ другомъ мѣстѣ, уже по смерти Кутузова, онъ заставляетъ даже тѣнь его руководить въ битвѣ, правда, очень неудачно, какъ это будетъ видно въ замѣчаніяхъ на его исторію.

«Графъ Ростопчинъ *не имѣя ни въ чемъ основательныхъ свѣдѣній*, могъ быть душею общества; *но не былъ достаточно приготовленъ къ занятію важныхъ государственныхъ должностей;* онъ *питалъ ненависть къ иностранцамъ* и т. д.; и *все это безъ цитата, безъ ссылки* на тѣхъ, которые знали лично графа Ѳедора Васильевича и могли оцѣнять его достоинства и замѣчать недостатки. Но и здѣсь одинаково, какъ почти и вездѣ, самъ же авторъ, при описаніи подвиговъ, превращаетъ въ пухъ и прахъ свою сентенцію, и тѣмъ торжественно доказываетъ, что Императоръ Александръ зналъ, кого онъ назначилъ на сей важный постъ. Да и можно ли было думать, чтобы человѣкъ, неимѣющій *ни въ чемъ основательныхъ свѣдѣній и недостаточно приготовленный къ занятію высшихъ государственныхъ должностей*, — словомъ человѣкъ, лишенный необходимыхъ условій къ занятію такого поста, въ то время, былъ оставленъ на опомъ! Въ ту эпоху мы были богаты

III тома, при исчисленіи писателей о 1812 годѣ, говоритъ, что иноземцы эти не всегда были правдивы и искали омрачать славу русскихъ генераловъ, между тѣмъ, цитаты на нихъ едва ли не преобладаютъ надъ другими! Въ примѣчаніяхъ объ этомъ говорится подробно

людьми способными, а графъ давно уже былъ извѣстенъ своими государственными дарованіями.

Разсматривая критически движеніе князя Багратіона, на соединеніе съ 1-ю арміею, почтенный авторъ говоритъ: «и дѣйствительно, Багратіонъ, который при Шенграбенѣ, исполняя повелѣніе Кутузова, *сразился*, въ числѣ шести тысячъ человѣкъ, съ сорока тысячью непріятелей, Багратіонъ *не отважился пробиться* чрезъ равносильный его арміи корпусъ Даву, потому что не могъ принять на себя *отвѣтственности* въ успѣхѣ этого *покушенія*» (*). Такимъ образомъ этими пятью строчками Багратіонъ лишенъ всѣхъ условій, необходимыхъ, чтобы быть главнокомандующимъ; это подкрѣпляется еще письмами его къ графу Аракчееву. Но все это, по видимому, такъ, ничего, ибо въ другихъ мѣстахъ г. м. Богдановичъ превозноситъ его, какъ напримѣръ: «Герой Багратіонъ, генералъ *по образу и подобію* Суворова, какъ называлъ его графъ Ростопчинъ». Жаль, что почтенный авторъ не говоритъ, гдѣ и когда такъ на-

(*) Мимоходомъ подвергаются *отвѣтственности* скорѣй за *неуспѣхъ*, чѣмъ *за успѣхъ*. Объ остальномъ, пожалуй, иной опытный закричитъ караулъ! Неужели почтенный авторъ написалъ эти строки серьезно, а не для юмору? съ шестью тысячями противу сорока, не только что можно *сразиться*, какъ онъ говоритъ, но и *пробиться*, что въ Шенграбенѣ Багратіонъ и сдѣлалъ. Но арміи, въ нѣсколько десятковъ тысячъ, пробиться чрезъ равносильнаго непріятеля, какъ-то мудрено и г. м. Богдановичъ самъ же называетъ это *покушеніемъ*. Ему, какъ профессору военныхъ наукъ, должно быть извѣстно, что иногда эскадронъ, окруженный десятью, успѣваетъ *пробиться*; но армія! здѣсь слово *сразиться* было бы приличнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ оно помѣщено. Въ общихъ примѣчаніяхъ поговорю о семъ.

званъ князь, графомъ Ростопчинымъ; любопытно было-бы указать по странности сего выраженія. Положимъ, еще можно допустить, по *образцу*, но уже никакъ *по образу*, а еще менѣе *подобію*. Эта фраза, взятая изъ книгъ бытія, вовсе не идетъ, и въ особенности безъ цитата, которымъ это неловкое выраженіе г–нъ профессоръ спустилъ бы съ своей отвѣтственности. Но этого еще мало: въ порывахъ патріотизма и исчисленія подвиговъ князя Багратіона, г. м. Богдановичъ приписываетъ ему и такія, въ которыхъ князь, не только не участвовалъ ни самъ, ни его войска, но и находился за пять сотъ верстъ отъ подвига, ему приписываемаго въ исторіи отечественной войны.

Сказавъ о томъ, что, въ первое время преслѣдованія, мы дѣйствовали *какъ бы ощупью*, г. м. Богдановичъ переходитъ къ описанію свойствъ Милорадовича, и говоритъ: «Милорадовичъ, неустрашимый, хладнокровный, неизмѣнно веселый среди опасностей, *обладалъ многими качествами авангарднаго начальника*» и вотъ какъ почтенный авторъ опредѣляетъ эти *многія качества:* «но нисколько не заботился о точности распоряженій по ввѣреннымъ ему войскамъ. Его приказы въ 1812 году, иногда непонятные, поставляли въ затрудненіе всѣхъ, кому приходилось исполнять ихъ. Да и вообще въ его штабѣ не было никакого порядка, не всегда можно было отыскать его самого, и только при первыхъ выстрѣлахъ являлся онъ, на своемъ обычномъ мѣстѣ — впереди всѣхъ, вездѣ гдѣ угрожала наибольшая опасность. Тамъ онъ возбуждалъ войска къ презрѣнію смерти (*),

(*) Не правильнѣе ли *къ жизни?* Не бояться смерти это такъ, но презирать смерть покуда еще живъ, какъ-то странно.

собственнымъ примѣромъ; до всего прочаго, казалось, ему не было никакого дѣла. Дѣйствуйте какъ вамъ угодно, говаривалъ онъ начальникамъ частей войскъ— я у васъ гость. Тѣмъ не менѣе, однако же, отъ времени до времени, онъ вмѣшивался въ распоряженія подчиненныхъ ему частныхъ начальниковъ, не давая имъ знать о своихъ приказаніяхъ, отчего нерѣдко происходили недоразумѣнія. Каждый изъ генераловъ, въ авангардѣ Милорадовича, дѣйствовалъ по своему, не будучи увѣренъ въ должномъ содѣйствіи прочихъ частей, ни въ согласномъ ихъ направленіи къ общей цѣли».

Каковы *многія качества*, которыми обладалъ Милорадовичъ какъ авангардный начальникъ? Здѣсь ссылка на двухъ лицъ, конечно, сильныхъ авторитетомъ своимъ; но въ такомъ случаѣ, слѣдовало уже привести въ цитатѣ полное ихъ, объ этомъ повѣствованіе, иначе это никакъ неудовлетворительно для исторіи, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за такимъ отзывомъ, на той же 69-й страницѣ, описываются распоряженія Милорадовича при Царевѣ-Займищѣ, основанныя на соображеніяхъ опытнаго вождя, по которыя разстроилъ принцъ Евгеній Виртембергскій своею обычною отвагою и т. д. Между же тѣмъ, какъ этотъ же самый принцъ Евгеній, есть одинъ изъ двухъ цитированныхъ г. м. Богдановичемъ, для изображенія качествъ Милорадовича! Милорадовичъ, командовавшій сильными аріергардами и авангардами, и въ боевыхъ линіяхъ, всегда съ блистательнымъ успѣхомъ, противъ неаполитанскаго короля, вице-короля и маршаловъ, не ужели могъ быть до такой степени ничтожнымъ, какъ изображается здѣсь! Одно обилештское сраженіе, возводитъ его на степень полководца, съ высокими дарованіями. Вся исторія

г. м. Богдановича не указываетъ ни одной ошибки, ни одного промаха въ распоряженіяхъ Милорадовича, которыя всѣ увѣнчивались полнымъ успѣхомъ. Непонятно, почему не вспомнилъ почтенный авторъ своего повѣствованія о Милорадовичѣ при оставленіи Москвы? Такъ подробно изложивъ его распоряженіе при Царевѣ-Займищѣ, почему оставилъ безъ критическаго разсмотрѣнія помянутые о немъ отзывы, неподкрѣпляемые ни однимъ примѣромъ повѣствуемаго? Почему? Но довольно, этимъ *почему* не было бы конца. Какой-то мыслитель, жившій около половины XVII вѣка (кажется, Жандръ, маркизъ Сентъ-Обенъ) сказалъ, что «каждый историкъ приноравливаетъ (ajuste) исторію къ своему личному характеру. Въ Салустіѣ — господствуетъ нравственность; въ Тацитѣ — политика: въ Титѣ-Ливіѣ — предразсудки и ораторство. Всѣ хотятъ намъ указать причины событій, неизвѣстныхъ не только что современникамъ, но даже и тѣмъ, которые принимали въ нихъ участіе».

Грустно, повторяю, въ особенности очевидцамъ подвиговъ четырехъ помянутыхъ лицъ, читать подобные отзывы лица, никогда не видавшаго ихъ въ полѣ. Трудно чрезъ полвѣка разочароваться въ томъ, въ чемъ утвердились на опытѣ. Но молодое поколѣніе можетъ поколебаться въ мнѣніи, которое оно пріобрѣло, до появленія исторіи г. м. Богдановича, о доблестяхъ и заслугахъ четырехъ изъ главныхъ дѣятелей въ отечественную войну. Остается только утѣшеніе, что тѣ, которые прочтутъ со вниманіемъ книгу г. м. Богдановича, найдутъ, что помянутые отзывы — не согласуются съ повѣствованіемъ, и не основаны на достаточныхъ для исторіи фактахъ. Здѣсь можно повторить за остро-

умной «Искрой» (1860 № 19-й) «Факты! факты!... Въ этой жизни только нужны факты... Набивайте голову, сэръ, одними фактами, а остальное вонъ, выбрасывайте за окошко».

Но за то почтенный авторъ своей исторіи является уже безусловно неумолимымъ къ предшественникамъ своимъ на поприщѣ описанія Отечественной Войны: Ахшарумову, Бутурлину, Окуневу и Михайловскому-Данилевскому; эти уже какъ *участники* въ войнѣ (*) и дерзнувшіе ее описывать, какъ говорится *весьма казнятся*, что будетъ видно въ своемъ мѣстѣ.

Впрочемъ страсти историковъ общи, это засвидѣтельствовано уже Титомъ-Ливіемъ, которые говоритъ: «Историки не обращали вниманія на тѣхъ, которыхъ уже не существуютъ, или конхъ потомство находится на низшихъ степеняхъ гражданства, а напротивъ, возвышали именно тѣхъ, отъ которыхъ могли ожидать наградъ».

(*) Чтобы описаніе войны было полезно и занимательно, по взгляду г. м. Богдановича, высказанному въ предисловіи къ своей исторіи и въ началѣ XXII главы — надобно, чтобы ее писали тѣ, которые въ ней не участвовали, а пожалуй, и не были еще на свѣтѣ, когда она происходила. По этой логикѣ, несомнѣнно, что походы Александра Македонскаго, надъ которыми теперь трудится Ламартинъ, почтутся имъ за самое превосходное *военное* твореніе, именно потому, что Ламартинъ живетъ спустя двадцать-два вѣка послѣ Александра. Я опять повторяю, что неучаствовавшій въ войнѣ, которую берется описать, при обладаніи даже всѣми необходимыми къ тому способностями, можетъ создать превосходную исторію войны, но никогда не изобразить вѣрно исторіи битвъ.

Обращаюсь опять собственно къ Бородинской битвѣ.

Подобно всѣмъ большимъ сраженіямъ, и она вызвала критику, какъ относительно позиціи, такъ расположенія на оной войскъ и ихъ передвиженія, общихъ и частныхъ дѣйствій.

Что касается до позиціи въ общемъ смыслѣ, то описывать ее подробно, исчислять ея недостатки и выгоды, было бы излишне. Замѣчу только одно, что на всемъ пространствѣ отъ Царева-Займища, куда прибылъ Кутузовъ, до Москвы, не было ни одной позиціи, которая, послѣ всѣхъ недостатковъ, приписываемыхъ Бородинской, была бы для насъ лучше. А дать битву до Москвы, по соображеніямъ главнокомандующаго, было необходимо. Слѣдовательно, вопросъ о позиціи рѣшается самъ собою. Перейду къ размѣщенію на оный войскъ.

Бородинская позиція, начиная съ ея праваго фланга отъ Москвы рѣки, противу с. Маслова, проходила чрезъ с. Горки (*), *три версты;* отсюда до с. Семеновскаго *двѣ версты* и, наконецъ, до Утицы (**), около *трехъ верстъ*. Всего протяженія около *восьми верстъ*.

Такимъ образомъ пространство отъ Москвы рѣки до Горокъ естественно — составляло *правый* флангъ; отъ Горокъ до Семеновскаго — *центръ*, и наконецъ, отъ Семеновскаго до Утицы — *лѣвый* флангъ.

По прибытіи на эту позицію арміи, рано 22-го ав-

(*) На столбовой, отъ Смоленска въ Москву дорогѣ, передъ Горками, около версты, на той же дорогѣ, с. Бородино на Колочѣ.

(**) На такъ называемой старой Смоленской дорогѣ, соединяющейся съ столбовой въ Можайскѣ.

густа, она расположилась слѣдующимъ образомъ: между Москвой рѣкою и Горками, 2-й и 4-й пѣхотные корпуса; за ними 1-й и 2-й кавалерійскіе и Платовъ съ 9-ю казачьими полками.

Между Горками и Семеновскимъ — 6-й и 7-й пѣхотные корпуса; за ними 3-й и 4-й кавалерійскіе.

Между Семеновскимъ и Утицею, начиная отъ Семеновскаго 8-й пѣхотный съ нѣсколькими еще полками, влѣво къ Утицѣ, и казачій отрядъ Карпова. Но въ ночи съ 24 на 25-е направленъ туда, изъ резерва, еще 3-й пѣхотный корпусъ, который такимъ образомъ и связалъ войска, находящіяся въ Утицѣ съ лѣвымъ флангомъ 8-го корпуса. За нимъ Московское и Смоленское ополченія.

Резервъ, состоящій изъ 5-го пѣхотнаго корпуса (гвардейскаго) съ нѣсколькими егерскими полками и артиллеріею — за 6-мъ и 7-мъ корпусами, около с. Князькова. Далѣе — резервная артиллерія, главная квартира въ Татариновѣ.

Здѣсь раждаются слѣдующія замѣчанія:

I.

Почему, почти на восьми-верстномъ протяженіи первоначальнаго расположенія войскъ на позиціи, *центромъ* названъ только одинъ 6-й корпусъ, занимавшій изъ всей позиціи едва одну версту, тогда какъ, по естественному дѣленію позиціи, центръ ея, должны были составлять 6-й и 7-й корпуса, расположенные въ прямой линіи, отъ Горокъ до Семеновскаго, по мѣстности единообразной. Это соотвѣтствуетъ и самому дѣленію позиціи, какъ замѣчено выше; тѣмъ болѣе, что съ самаго начала сраженія, 6-й корпусъ составлялъ уже

не *центръ*, а *правый фланъ* боевой линіи; 7-й и 8-й корпуса и подошедшій еще 4-й — *центръ;* а 3-й корпусъ съ нѣкоторыми другими войсками, и потомъ прибывшій къ Утицѣ съ упраздненнаго праваго фланга, 2-й пѣхотный корпусъ — составляли *львое крыло* боевой линіи.

II.

Почему 8-й пѣхотный корпусъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ 7-го корпуса, не обозначенъ на планѣ, подобно всѣмъ другимъ корпусамъ, хотя всѣ дивизіи его: 27-я пѣхотная, сводная гренадерская (Воронцова), показаны какъ продолженіе лѣваго фланга 7-го корпуса, а 2-я гренадерская тутъ же за ними, какъ бы во второй линіи, или въ резервѣ; но обозначенія корпуса на планѣ нѣтъ, да и въ описаніи битвы, чуть ли не одинъ только разъ упомянутъ *8-й корпусъ*, и едва ли не столько же и начальникъ онаго, г. л. Бороздинъ.

III.

25-го августа, послѣ полудня, рѣшено было сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ расположеніи войскъ 6-го и 7-го корпусовъ, стоявшихъ, какъ замѣчено выше, въ прямой линіи отъ Горокъ до Семеновскаго, имѣя предъ интерваломъ своимъ, на половину пушечнаго выстрѣла, кургано-образную высоту. Измѣненіе это заключалось въ томъ, чтобы 6-й корпусъ, оставивъ свой правый флангъ при Горкахъ, подалъ свой лѣвый — впередъ, и примкнулъ къ помянутой высотѣ, а 7-й корпусъ, оставивъ лѣвый флангъ при Семеновскомъ, правымъ примкнулъ бы къ той же высотѣ, которая по сему и включалась въ первую линію позиціи, составивъ такимъ

образомъ выходящій уголъ между помянутыми двумя корпусами. Движеніе это приказано было привести въ исполненіе за нѣсколько времени до разсвѣта слѣдующаго дня, 26 августа. Одновременно съ приказаніемъ, отданнымъ для сего передвиженія, рѣшено было на помянутой высотѣ соорудить *люнетъ*, для 18-ти батарейныхъ орудій, къ чему и приступлено около пяти часовъ пополудни 25 августа.

Здѣсь, для критическихъ соображеній, представляется слѣдующее, кажется никѣмъ еще не разобранное, а именно:

Разсмотрѣть, имѣло ли вліяніе на ходъ сраженія передвиженіе 6-го и 7-го корпусовъ, съ цѣлію включить помянутое возвышеніе въ линію позиціи, на томъ основаніи, какъ говорилъ Толь, что если оставимъ оное внѣ линіи позиціи, впереди, непріятель, занявъ его, будетъ обстрѣливать всю линію. Возвышеніе же онъ полагалъ укрѣпить люнетомъ; и вооружить оный 18-ю батарейными орудіями. — Или могло быть предпочтительнѣе мнѣніе Беннигсена, который полагалъ оставить корпуса на своихъ мѣстахъ, а на возвышеніи сдѣлать сомкнутое укрѣпленіе, съ амбразурами кругомъ, вооружить оное 36-ю батарейными орудіями, съ тремя или болѣе комплектами зарядовъ, вынутыхъ изъ ящиковъ и помѣщенныхъ въ изготовленное для сего мѣсто; ящики же и всѣхъ лошадей отправить назадъ. Въ такое укрѣпленіе онъ думалъ помѣстить три, или четыре баталіона. Беннигсенъ доказывалъ выгоду такого распоряженія тѣмъ, что непріятель, хорошо устроеннымъ и сильно вооруженнымъ укрѣпленіемъ, легко овладѣть не можетъ; что для того ему нужно будетъ употребить особенныя усилія и, можетъ быть,

цѣлый день, и еще безъ успѣха, тѣмъ болѣе, что у него не было высоты, которая командовала бы этимъ пунктомъ, тогда какъ онъ могъ бить непріятеля по всѣмъ направленіямъ, а все это въ совокупности должно будетъ неминуемо разстроить непріятеля (*). Мы же, напротивъ, присовокуплялъ онъ, изъ нашихъ линій будемъ дѣйствовать не стѣсняясь, и пользоваться всѣми моментами въ нашу выгоду и т. д. Относительно же мнѣнія Толя, который, какъ выше было видно, говорилъ, что непріятель, овладѣвъ высотою, будетъ громить наши линіи, Беннигсенъ возразилъ, что когда уже неотмѣнно должно допустить, что непріятель займетъ этотъ пунктъ, тогда будетъ еще хуже, ибо непріятель получитъ возможность анфилировать наши линіи въ обѣ стороны, и довершитъ разстройство войскъ, которыя должны будутъ, къ этому времени болѣе или менѣе, быть уже въ такомъ положеніи, безполезно выдвинутыми подъ сильный непріятельскій огонь. Толь возражалъ и, извѣстно, что главнокомандующій предпочелъ его мнѣніе. Предсказанія Беннигсена, къ несчастію, буквально оправдались (**) и укрѣпленіе, не будучи сомкнутымъ, дало возможность даже конницѣ Коленкура и Тилемана, овладѣть онымъ съ тыла. Критическому раз-

---

(*) Тутъ Беннигсенъ упомянулъ о Полтавской битвѣ, въ которой наши передовые редуты разстроили атакующихъ шведовъ, и тогда на нихъ была сдѣлана общая атака.

(**) Помню очень хорошо, когда возвратились по своимъ мѣстамъ съ этой высоты, на которой происходили совѣщанія предъ Кутузовымъ, сидящимъ на скамейкѣ, всѣ опытныя лица отдавали предпочтеніе мнѣнію Беннигсена, но во время преній, всѣ молчали!...

смотрѣнію будетъ предстоять разборъ выводовъ Беннигсена относительно его мнѣнія, и если бы оно было принято, то какого должно было ожидать результата отъ онаго?

IV.

Г. м. Богдановичъ, разсуждая о помянутой высотѣ и приведя вкратцѣ мнѣнія Беннигсена и Толя о родѣ укрѣпленія, присоединяетъ еще третье, по, повидимому, лица таинственнаго, извѣстнаго, конечно, только ему, предлагавшаго построить на оной «укрѣпленіе *въ видѣ бастіона съ полутеналлями по сторонамъ*» и присовокупляетъ, «что *для сего не было ни времени, ни средствъ.*»

Вотъ это-то послѣднее и вызываетъ на критическій анализъ слѣдующихъ обстоятельствъ:

Съ самаго момента занятія позиціи 22 августа, высота эта была признана *ключемъ оной*, что подтверждаетъ и нашъ почтенный исторіографъ. А потому, спрашивается, почему же на этотъ пунктъ, которому въ предстоящей битвѣ, по всему видимому, предназначалось играть значительную роль, не было тотчасъ же обращено всего вниманія, для устройства на ономъ того, или другаго укрѣпленія? 22, 23, 24 и за полдень 25-го числа, тутъ ничего не предпринималось! На возвышеніи этомъ, въ началѣ поставили 12 орудій и потомъ присоединили еще 6 и приготовили ничтожное количество туровъ и фашинъ. На правомъ-же флангѣ начали возводить различныя укрѣпленія съ 22-го числа; при Горкахъ устроили 23-го числа двѣ батареи и начали шанцы; при Семеновскомъ, въ тотъ-же вечеръ стали устраивать флеши, а при Шевардинѣ редутъ, который,

при появленіи непріятеля 24-го числа, не былъ еще совершенно окончент; тоже самое, отчасти было и съ флешами, но объ укрѣпленіи *ключа позиціи* не было еще и рѣчи. Только послѣ полудня 25-го числа рѣшено было поставить тутъ *люнетъ*, къ устройству котораго могли приступить около пяти часовъ подъ вечеръ, и къ открытію въ шесть часовъ утра 26-го августа дѣйствій онъ остался далеко неокопченнымъ. Слѣдовательно, если бы подумали *о бастіонѣ съ полутеналлями по сторонамъ*, заблаговременно, то было бы *и время и средство*. А эти-то всѣ обстоятельства и требуютъ строгаго критическаго разбора, который, надо полагать, долженъ имѣть какіе-либо слѣды въ архивахъ, что, съ помощію возможности *проникать въ сокровенныя причины дѣйствій*, объяснитъ развязку такихъ загадочныхъ распоряженій.

Недокончепность предпринятыхъ работъ на главныхъ пунктахъ позиціи и была единственною причиною, что непріятель, такъ сказать, съ перваго раза овладѣлъ всѣми нашими укрѣпленіями и только грудь русскаго солдата, благоразумно и безстрашно предводимая начальниками, составляла единственную твердыню.

V.

Нѣкоторые, а въ числѣ ихъ и г. м. Богдановичъ, находятъ, что позиція наша при Бородинѣ была слишкомъ растянута; что правый флангъ ея долженъ былъ начинаться отъ Горокъ, и тогда два пѣхотныхъ и два кавалерійскихъ корпуса, составлявшіе оный, могли бы усилить настоящую боевую линію отъ Горокъ до Утицы, уменьшивъ такимъ образомъ протяженіе ея на три версты. Оставленное-же четырьмя корпусами простран-

ство могло быть наблюдаемо даже однимъ Платовымъ съ его казаками: ибо по мѣстности, лежащей предъ нашимъ правымъ флангомъ, нельзя было предполагать, чтобы Наполеонъ предпринялъ что-либо серьезное на этомъ пространствѣ. Это неоспоримая истина; но она требуетъ быть также подвержена строгому критическому разсмотрѣнію, по сложности обстоятельствъ сего заключенія.

Не только что мѣстность, изрѣзанная глубокими, и въ перпендикулярномъ направленіи къ нашей позиціи оврагами и, въ томъ-же положеніи, длинными извилинами Колочи, затруднила бы движенія непріятельскихъ колонъ и взаимное ихъ между собою, во время сообщенія для натиска на нашъ правый флангъ, но здѣсь было еще то главное, что Наполеонъ не имѣлъ бы простора къ маневрированію, будучи для сего стѣсненъ на своемъ лѣвомъ крылѣ теченіемъ Москвы рѣки. Предположивъ даже съ его стороны успѣхъ, и пусть бы онъ оттѣснилъ наше правое крыло, то самый этотъ успѣхъ никакъ не могъ бы равняться съ тѣми результатами, которые онъ имѣлъ въ виду пріобрѣсти на нашемъ лѣвомъ. Правый нашъ флангъ былъ бы отодвинутъ только назадъ, и дорога къ отступленію, чрезъ Можайскъ на Москву, была бы намъ открыта, и ни въ какомъ случаѣ не могла быть угрожаема, составляя перпендикуляръ къ линіи расположенія нашего праваго фланга. Но увѣнчайся полнымъ успѣхомъ натискъ Наполеона на нашъ лѣвый флангъ, тогда, при малѣйшей оплошности Кутузова, армія угрожалась бы потерею сообщеній по столбовой дорогѣ на Можайскъ, могла быть притѣснена къ Москвѣ рѣкѣ, и непріятель, форсируя по старой Смоленской дорогѣ чрезъ Утицу, могъ прійдти въ Можайскъ

и чрезвычайно затруднить наше положеніе. Но, повторяю опять, что это могло случиться тогда только, когда бы съ нашей стороны вдались въ обманъ, ибо правый флангъ и центръ наши были на кратчайшемъ сообщеніи съ Можайскомъ, между тѣмъ какъ Утица, выдавшаяся впередъ, была отдаленнѣе отъ сего послѣдняго. Въ свое время, никто и не думалъ, что непріятель атакуетъ нашъ правый флангъ; всѣ знали, что Наполеонъ великій мастеръ своего дѣла, чтобы предпринять такую нелѣпость и не умѣть воспользоваться шансами, представлявшимися ему въ направленіи къ Утицѣ.

Войска наши, занимавшія правый флангъ, въ началѣ сраженія, оставляли свои мѣста (кромѣ 1-го кавалерійскаго корпуса и Платова съ казаками) и всегда *вовремя* поспѣвали туда, куда ихъ направлялъ Кутузовъ, что свидѣтельствуетъ и г. м. Богдановичъ. Слѣдовательно, въ этомъ еще нѣтъ никакого повода обвинять его, а по ходу сраженія, позиція наша *сама собою* вошла въ тѣ предѣлы, т. е. между Горками и Утицею, въ которые критики хотѣли ее включить при первоначальномъ занятіи оной.

Трудно допустить себя думать, чтобы Кутузовъ имѣлъ въ виду, на неприступномъ нашемъ правомъ флангѣ, поставить, 22-го августа и оставлять до утра 26-го, четыре корпуса и Платова съ казаками, въ томъ предположеніи, что непріятель изберетъ этотъ флангъ для главнаго своего напора. Почему не предположить, что все это было сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы заставить Наполеона отдѣлить часть войскъ своихъ отъ замышленнаго имъ натиска на наше лѣвое крыло и лѣвый флангъ центра, давая тѣмъ ему понять, что такое ско-

пленіе войскъ, почти третьей части арміи, на нашемъ правомъ флангѣ, могло угрожать его лѣвому, и принять въ данный моментъ, въ свою очередь, наступательное движеніе? Тѣмъ болѣе предположеніе это вѣроподобно, что уже 24 и 25-го августа намѣренія Наполеона въ патискѣ на нашъ лѣвый флангъ — сдѣлались очевидны.

Все это, болѣе или менѣе, прояснится строгимъ анализомъ расположенія непріятеля, какъ предъ битвой, когда онъ еще видѣлъ грозную массу войскъ нашихъ правѣе Горокъ, и тогда, когда войска эти оставляли свои мѣста и направлялись туда, гдѣ ихъ присутствіе оказывалось необходимымъ и, наконецъ, какія послѣ сего были передвиженія на лѣвомъ непріятельскомъ флангѣ? Внимательное разсмотрѣніе всѣхъ повѣствователей, въ особенности непріятельскихъ, объяснитъ это обстоятельство и разъ навсегда опредѣлитъ положительно, было ли распоряженіе это сдѣлано съ намѣреніемъ, или безъ-сознательно, и вдался ли Наполеонъ въ обманъ.

При этомъ, для полноты обсужденія, критику необходимо принять въ соображеніе и слѣдующее: дѣйствительно-ли Кутузовъ ожидалъ нападенія на свой правый флангъ, и въ этомъ предположеніи расположилъ на оном почти третью часть арміи, или онъ думалъ этимъ только обмануть Наполеона? Въ томъ или въ другомъ случаѣ, одинаково замѣчательно, почему обращено было такое вниманіе къ укрѣпленію этой неприступной части позиціи еще и искусственно? — Ибо, какъ я сказалъ выше, что всѣ инженерныя части 1-й арміи отправлены были туда вечеромъ 22-го августа, для возведенія многихъ укрѣпленій, такъ, что двѣ батареи

и шанцы при Горкахъ, а равно и центральная батарея, поручены были офицеру генеральнаго штаба, за пеимѣніемъ инженеровъ и піонеръ, занятыхъ преимущественно на помянутомъ флангѣ, и на устройство сообщеній на разныхъ мѣстахъ позиціи и въ тылу оной, на случай отступленія.

Если, возведеніемъ этихъ укрѣпленій, думали только обмануть непріятеля и показать ему, что мы заботимся объ искусственномъ усиленіи нашего праваго фланга, ожидая нападенія на оный, или въ случаѣ, что мы должны будемъ перейти въ наступательное движеніе и потерпѣть неудачу, то чтобы имѣть точку опоры отъ преслѣдованія непріятельскаго, для сего достаточно было-бы имѣть половинное число, или еще менѣе, знающихъ дѣло, а остальныхъ употребить тамъ, гдѣ, какъ всѣ предвидѣли, будетъ разыгрываться главная драма предстоящей битвы.

Словомъ, все, что относится до вышеозначенныхъ обстоятельствъ, только тогда получитъ приблизительную вѣроятность, когда будутъ критически разработаны всѣ данные и матеріялы, съ содѣйствіемъ находящихся еще живыми, можетъ быть и изъ инженеровъ и проч. Иначе все останется голословнымъ, темнымъ, сбивчивымъ.

VI.

Движеніе (демонстрація, диверсія или поискъ) Уварова и Платова съ нашего праваго фланга на окопечность лѣваго непріятельскаго, имѣвшее столь великое вліяніе на ходъ Бородинской битвы, заслуживаетъ полнаго критическаго разбора, досель остающагося нетронутымъ.

Г.-м. Богдановичъ, отъ котораго имѣли полное право ожидать удовлетворительныхъ поясненій этого предпріятія, ограничивается только краткимъ очеркомъ, но и то не съ надлежащею ясностію (*). Онъ говоритъ (т. II, стр. 203), что «Платовъ, съ большею частію казаковъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ 1-го кавалерійскаго корпуса за рощею, *утромъ въ продолженіе сраженія, нѣсколько разъ посылалъ* разъѣзды для открытія бродовъ на Колочѣ, при чемъ имѣлъ случай удостовѣриться, что у Бородина, на лѣвомъ крылѣ непріятельской позиціи, оставалось весьма немного войскъ. Полагая возможнымъ обойти французовъ съ лѣваго фланга и воспользоваться неожиданностію этого обхода для нанесенія имъ вреда, Платовъ послалъ находившагося при немъ волонтеромъ полковника принца Эриста Гессенъ-Филипстальскаго къ Кутузову, *вызываясь* перейти съ значительнымъ числомъ кавалеріи въ бродъ чрезъ Колочу и атаковать непріятеля. Принцъ Гессенскій обратился сперва къ Толю, который, убѣдясь въ пользѣ этого нападенія, какъ диверсіи, могшей отвлечь часть силъ непріятеля отъ рѣшительныхъ пунктовъ его атаки, *исходатайствовалъ* (**) у князя Кутузова разрѣшеніе употребить для предположеннаго дѣйствія весь 1-й кавалерійскій корпусъ генерала Уварова, въ числѣ 2,500 человѣкъ.»

(*) По крайней мѣрѣ для меня.

(**) Слово, по моему мнѣнію, очень неловкое, которое г. м. Богдановичъ употребилъ также и относительно Коновницына и Ахшарумова, какъ будетъ видно далѣе. — Кутузовъ же былъ довольно самостоятеленъ въ подобныхъ случаяхъ.

Прежде всего замѣчу: на какомъ основаніи сказано такъ *опредѣлительно*, что Платовъ посылалъ «*утромъ въ продолженіе сраженія отыскивать броды на Колочь?*»

Платовъ находился тутъ съ 22-го числа, слѣдовательно *четыре дня до сраженія;* а кто служилъ въ войну съ казаками, да еще въ Платовское время, тотъ очень хорошо знаетъ, что казаки, остановившись на мѣстѣ, не будутъ ожидать *четырехъ дней*, чтобы не тотчасъ же ознакомиться на дальнее разстояніе съ окружающею ихъ мѣстностію, а не только съ находящеюся у нихъ, такъ сказать, подъ-носомъ — Колочею, которая не могла не обратить на себя еще особеннаго вниманія казаковъ и тѣмъ, что тутъ она служила имъ рубежемъ, отдѣляющимъ насъ отъ непріятелей. А притомъ, г. м. Богдановичъ самъ же говоритъ, что 22-го числа отряжено было пять казачьихъ полковъ, собственно для наблюденія за низовьемъ этой рѣчки, гдѣ были съ ними разсыпаны и нѣсколько егерскихъ полковъ, съ цѣлію охранять съ этой стороны нашу позицію, то само собою уже и разумѣется, что въ особенности тѣ мѣста, гдѣ непріятель могъ удобнѣе переправиться, были тотчасъ же открыты, и нѣтъ возможности допустить, чтобы Платовъ ознакомился съ рѣкою только 26-го числа утромъ?! Расположенные тутъ, по Колочѣ, казаки, конечно, уже съ 22-го числа поили лошадей своихъ изъ этой рѣчки, и неотмѣнно тотчасъ же съ нею освоились. Помянутое выраженіе несомнѣнно сорвалось съ пера автора, и неумышленно набросило тѣнь на общепризнанныя, въ этихъ случаяхъ, неподражаемыя никѣмъ способности нашихъ донцовъ. Но довольно объ этомъ, разсмотрю главное.

Изъ помянутаго разсказа видно покуда только то, что *первая мысль* сего спасительнаго для насъ движенія *принадлежитъ Платову;* но что для исполненія его *предложенія* назначенъ былъ *не онъ*, а Уваровъ съ своимъ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ въ числѣ *2,500 человѣкъ*, слѣдовательно безъ казаковъ и Платова, и это подтверждается на стр. 206-й и 207-й. Да и быть иначе не могло, ибо Платовъ былъ тогда генераломъ отъ кавалеріи, а Уваровъ генералъ-лейтенантомъ, слѣдовательно Платовъ не могъ быть подъ начальствомъ сего послѣдняго, который, получивъ приказаніе къ произведенію движенія, могъ бы приказать атаману присоединиться къ 1-му кавалерійскому корпусу. Въ такомъ случаѣ и Платовъ направилъ бы принца Гессенскаго къ Уварову, а не прямо къ Кутузову, съ предложеніемъ помянутаго движенія. Но, какъ говорится, не тутъ-то было. Почтенный авторъ, описавъ подробно, съ напмепованіемъ всѣхъ полковъ, составлявшихъ корпусъ Уварова, и частные ихъ подвиги во время этой демонстраціи, ни слова не упоминая о казакахъ, вдругъ, со второй строчки снизу 207-й стр., начинаемъ любимымъ, и столь часто повторяемымъ въ исторіи словомъ: «*Между тѣмъ*», Платовъ, съ нѣсколькими казачьими полками (?), перешедшій черезъ Колочу одновременно съ Уваровымъ, найдя выше Беззубова удобное мѣсто для перехода черезъ Войну, перевелъ на другую сторону этой рѣчки своихъ казаковъ, которые разсыпались въ кустахъ между непріятельскими колоннами, и зашли имъ въ тылъ. Пѣхота вице-короля, занимавшая выходъ съ плотины, опасаясь быть отброшенною въ болото, отошла отъ рѣчки, что способствовало *лейбъ-казачьему полку* промчаться черезъ плотину въ кусты

и кинуться въ тылъ непріятельской пѣхоты. Пользуясь суматохою, которую произвело это неожиданное нападеніе, *наши казаки* (т. е. лейбъ-казаки) отступили обратно черезъ плотину. *Между тѣмъ*, полки Уварова, получивъ отъ Барклая-де-Толли приказаніе возвратиться на правую сторону Колочи, отошли, вмѣстѣ съ казаками Платова, къ *Горкамъ*, около четырехъ часовъ пополудни.»

Этотъ параграфъ вызываетъ необходимость поясненія: 1) какимъ образомъ такъ внезапно является здѣсь Платовъ, неполучившій приказанія на это движеніе, хотя имъ и *предложенное*, и съ своими войсками, казаками, совершаетъ подвиги? — они разсыпаются между непріятельскими колоннами, заходятъ въ тылъ и заставляютъ пѣхоту вице-короля, опасающуюся быть отброшенною въ болото, оставить выходъ на плотину, и отойти отъ рѣчки; 2) это самое способствуетъ *лейбъ-казакамъ* прочаться чрезъ кусты и кинуться въ тылъ непріятельской пѣхоты и т. д. Но здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что *лейбъ-казаки* не находились у Платова, а у Уварова; а тутъ такъ выражено, какъ бы полкъ этотъ былъ вмѣстѣ съ Платовымъ, котораго подвигъ описывается, а объ Уваровѣ нѣтъ и рѣчи! 3) когда, «*между тѣмъ*», полки Уварова получили отъ Барклая-де-Толли приказаніе возвратиться на правую сторону Колочи, *отошли вмѣстѣ съ казаками Платова къ Горкамъ*. Что же это? Платовъ съ своими казаками является вездѣ, какъ бы созвѣздіемъ Уварова? Онъ не получаетъ ни приказанія идти, ни отойти, а играетъ тутъ роль спутника! Исторія обязана была разъяснить это загадочное положеніе и Платова и Уварова. Тѣмъ болѣе еще это требовало разъясненія, что изъ подробнаго

рапорта Уварова Барклаю-де-Толли (стр. 560) нѣтъ и слова о дѣйствіяхъ казаковъ Платова, а говорится только о полкахъ, составлявшихъ 1-й кавалерійскій корпусъ, и о приказаніяхъ, полученныхъ Уваровымъ на счетъ движенія впередъ и потомъ отступленія. — Въ чрезвычайно же краткомъ рапортѣ Платова Кутузову (приложеній стр. 588-я) сказано: «Въ бывшемъ 26-го числа прошлаго августа мѣсяца, при селеніи Бородинѣ, съ непріятелемъ генеральномъ сраженіи, находился, по *приказанію* вашей свѣтлости, съ казачьими полками, на правомъ флангѣ нашей арміи и каково происходило дѣйствіе противу непріятельскаго лѣваго фланга, вашей свѣтлости, по личному присутствію вашему, извѣстно.»

Все это нисколько не разъясняетъ обстоятельствъ дѣла. Если Платовъ, на *предложенное имъ* движеніе, такъ пространно разсказанное, имѣлъ какое-либо повелѣніе отъ Кутузова дѣйствовать, то объ этомъ слѣдовало упомянуть въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о посылкѣ имъ къ Кутузову принца Гессенскаго; но тамъ объ этомъ ни слова, а только объ одномъ Уваровѣ, у котораго Платовъ никакъ не могъ находиться подъ начальствомъ, что ясно видно изъ донесенія Уварова, равно какъ и Платова, коего рапортъ отзывается какъ бы неудовольствіемъ. Что же? неужели каждый изъ нихъ, на одномъ и томъ же пунктѣ, дѣйствовалъ независимо одинъ отъ другаго? Но повелѣнія, какъ къ наступленію, такъ и отступленію, посылались къ младшему, и атаманъ Донскаго войска, старшій въ чинѣ, на котораго часто возлагались отдѣльныя экспедиціи, и послѣ битвы подъ Бородинымъ ему поручено было начальствованіе аріергардомъ всей

арміи (*), здѣсь служитъ только созвѣздіемъ, спутникомъ Уварова!! Нѣтъ! Это не такъ: должно быть что-либо иное, болѣе согласное съ смысломъ!

Въ примѣчаніяхъ же, къ XXIII-й главѣ № 4-й, упоминается о другомъ рапортѣ Платова Кутузову, въ которомъ исчисляются полки, принимавшіе участіе въ этомъ поискѣ и, между прочимъ, присовокуплено, что подполковникъ Харитоновъ «на всѣхъ ударахъ былъ впереди». А это дастъ понимать, что рапортъ долженъ включать въ себѣ нѣкоторые подробности. Жаль, что г. м. Богдановичъ не привелъ опаго цѣликомъ, и даже въ цитатѣ не выставилъ ни №, ни числа. Очень можетъ быть, что изъ этого донесенія можно было бы получить какое-либо уясненіе. Историкъ, по священной обязанности своей, долженъ представлять публикѣ матеріялы, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ самъ онъ, какъ не участникъ въ дѣлѣ, не въ силахъ опредѣлить въ точности тотъ или другой эпизодъ. Къ несчастію же, почтенный авторъ, въ описаніи нашей Отечественной войны, увлекается вообще указаніями иноземныхъ нѣмцевъ; такъ и въ этомъ случаѣ, онъ ссылается въ помянутомъ же приложеніи на Клаузевица и Шрекенштейна (**),

---

(*) Почтенный авторъ впалъ въ ошибку, сказавъ, что 27-е августа было *послѣднимъ* днемъ командованія Платовымъ аріергардомъ, тогда какъ назначеніе Милорадовича на его мѣсто послѣдовало въ ночи съ 28-го на 29-е число. Причинъ тому здѣсь не привожу; впрочемъ, 27-е августа, скорѣе былъ *не послѣднимъ днемъ* командованія Платовымъ аріергардомъ, *а первымъ*, ибо до сего дня, въ Отечественную войну, этой обязанности на него не возлагалось.

(**) По видимому, г. м. Богдановичъ не имѣлъ подъ рукою Записокъ поручика генеральнаго штаба (И. Ѳ.) Богдановича,

присовокупляя: «Нападеніе Уварова на лѣвое крыло непріятельской арміи изложено подробно въ сочиненіи

находившагося въ продолженіе всего 1812 года при Платовѣ, и имѣвшаго подробныя записки, начиная съ посольства въ Китай графа Головкина, при которомъ онъ находился вмѣстѣ съ поручикомъ Ивановымъ (въ 1812 г. капитанъ и оберъ-квартирмейстеръ), до окончанія войны въ 1814 году. Въ послѣдніе два года (1813 и 1814) онъ находился при г. а. Чернышевѣ (въ корпусѣ г. а. барона Винценгероде), съ которымъ впослѣдствіи ѣздилъ на Донъ для устройства казаковъ и умеръ сенаторомъ. Что сдѣлалось съ его любопытными записками, мнѣ неизвѣстно; конечно, онѣ остались въ его семействѣ и Богъ знаетъ, сохранились ли! Записокъ бывшаго адъютантомъ Платова (М. М.) Кузнецова, недавно умершаго генералъ-лейтенантомъ и походнымъ атаманомъ въ Варшавѣ, человѣка просвѣщеннаго. Не разъ случалось мнѣ говорить съ нимъ объ этомъ поискѣ, въ особенности въ 1828 году, когда онъ съ своимъ полкомъ находился, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, со мною на аванпостахъ при Шумлѣ, живя рядомъ въ палаткахъ. По возвращеніи моемъ изъ-за границы, въ 1851, въ Варшавѣ, онъ тотчасъ посѣтилъ меня; въ два вечера мы перебрали все былое, и, само собою разумѣется, что Бородино стояло на первомъ планѣ, и все, что онъ разсказывалъ, при нѣкоторыхъ лицахъ, въ дополненіе или объясненіе, своихъ записокъ, еще болѣе утвердило меня во многихъ моихъ заключеніяхъ. Наконецъ, третье лицо, бывшее участникомъ въ этомъ поискѣ, и такъ же имѣвшее записки, не разъ бывшія у меня и у нѣкоторыхъ моихъ знакомыхъ въ рукахъ, здѣсь въ С. Петербургѣ, это г. л. (В. Д.) Пловайскаго, подъ Бородинымъ уже генералъ-маіора, и 3-го ноября 1860 года умершаго въ Москвѣ, изъ которой онъ изгналъ запоздалыхъ французовъ 11-го октября 1812 года. Въ продолженіе пребыванія его здѣсь (съ 1844 — 1847), не проходило дня, чтобы современники 1812 года не собирались иногда, по нѣскольку человѣкъ, для вспоминаній и поясненій того, что казалось кому изъ нихъ темнымъ. Въ этихъ-то, и нѣ-

Клаузевица, бывшаго оберъ-квартирмейстеромъ въ 1-мъ кавалерійскомъ корпусѣ (*).

Мнѣнію этого-то Клаузевица *(находившагося при 1-мъ корпусѣ)* Уваровъ не послѣдовалъ, чтобы прежде разстроить артиллеріею часть непріятельской пѣхоты и потомъ уже атаковать. Отъ этого три атаки лейбъ-гусаръ были безуспѣшны. Конечно, это есть въ сочиненіи Клаузевица.

Относительно же того, что при отступленіи Уварова и Платова, они перешли Колочу, *и отошли къ Горкамъ около 4-хъ часовъ пополудни*, слѣдовало бы показать мѣсто, гдѣ они совершали переправу чрезъ Колочу чтобы отойти къ *Горкамъ*. Замѣчу только, что къ Горкамъ они не отходили, а пошли прямо опять на то мѣсто, съ котораго выступили. Относительно же времени, здѣсь встрѣчается разнорѣчіе: Бутурлинъ говоритъ (т. I, стр. 281) что: «г. а. Уваровъ отступилъ къ селу Новому, при коемъ и стоялъ до ночи, пока не получилъ отъ главно-

---

которыхъ другихъ запискахъ г. м. Богдановичъ нашелъ бы многое, несравненно правильнѣе, изложеннымъ, чѣмъ у Клаузевицовъ и имъ подобныхъ литераторовъ, гоняющихся за фразами и выставляющихъ себя на первомъ планѣ.

(*) Замѣчательно, что Клаузевицъ, въ исторіи Отечественной войны уподобляется превращеніями своими индѣйскому божеству Вишну. Такъ, не доходя Смоленска, г. м. Богдановичъ представляетъ его *начальникомъ штаба* 3-го кавалерійскаго корпуса графа Пазена; здѣсь, чрезъ нѣсколько дней, онъ уже только *оберъ-квартирмейстеръ* 1-го корпуса, и въ одно время уже не этимъ послѣднимъ, а только *находящимся при 1-мъ корпусѣ*. Жаль, что неизвѣстна катастрофа, которая его низвергала, какъ говорится, изъ поповъ во дьяконы, а потомъ и въ дьячки!

командующаго приказанія возвратиться за рѣчку Колочу». Слѣдовательно онъ тутъ же, въ Новомъ, конечно и перешелъ эту рѣчку, но уже никакъ не около *четырехъ часовъ пополудни*, а еще менѣе направился на Горки. Михайловскій-Данилевскій вовсе не упоминаетъ о пунктахъ переправы чрезъ Колочу, какъ туда, такъ и обратно. Во всякомъ случаѣ эти показанія предшествовавшихъ историковъ, должно было оговорить, и буде повѣствуемое ими неправильно, опровергнуть на тотъ конецъ, чтобы истина была опредѣлена, пусть, хотя бы только и приблизительно. Но не въ этомъ дѣло, а вотъ что здѣсь стоитъ на первомъ планѣ:

Бутурлинъ (т. I, стр. 277), говоря о распоряженіяхъ Кутузова, приказавшаго Милорадовичу потянуться влѣво (съ праваго крыла) съ 4-мъ пѣхотнымъ и 2-мъ кавалерійскимъ корпусами къ центру, присовокупляетъ: «Кромѣ сего *приказано было генералу Платову* съ его казаками и г. а. Уварову съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, дабы, перешедъ рѣку Колочу въ бродъ, ниже села Бородина, атаковали лѣвый флангъ вице-короля итальянскаго... (стр. 280). Г. а. Уваровъ, исполняя данное ему приказаніе, перешелъ рѣчку Колочу при селѣ Маломъ, съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ и нѣсколькими казачьими полками (конечно, Платова), *съ помощію коихъ* принудилъ легкую кавалерійскую дивизію Орнано поспѣшно отступить за ручей Войну и т. д.»

Михайловскій-Данилевскій, который въ описываемый моментъ находился при Кутузовѣ, говоритъ еще опредѣлительнѣе, насчетъ движеній Уварова и Платова. Вотъ что читается въ немъ: (т. II, стр. 225) когда Кутузовъ былъ при Горкахъ и желая лучше обозрѣть

мѣстность, въѣхалъ на курганъ, на которомъ находилась батарея въ три орудія, что «слѣдствіемъ этого обозрѣнія были два приказанія, отданныя Кутузовымъ: 1) Милорадовичу съ стоявшимъ на правомъ крылѣ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, графа Остермана, и 2-мъ кавалерійскимъ, Корфа, сблизиться къ центру; 2) *Платову съ казаками* и Уварову съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, переправиться въ бродъ черезъ Колочу, выше Бородина (*) и атаковать лѣвое крыло непріятеля. Симъ движеніемъ князь Кутузовъ надѣялся развлечь вниманіе Наполеона и оттянуть часть силъ его отъ нашего лѣваго крыла». И далѣе описываетъ дѣйствія помянутыхъ двухъ генераловъ, на которыя смотрѣлъ съ Горской батареи Кутузовъ и когда увидѣлъ, что цѣль достигнута, послалъ повелѣніе возвратиться и т. д.

Тутъ выходитъ уже совсѣмъ не то, что говоритъ г. м. Богдановичъ. Здѣсь мысль — сдѣлать движеніе нашимъ правымъ флангомъ на лѣвый непріятельскій, была *слѣдствіемъ личнаго обозрѣнія Кутузовымъ хода дѣла*, а о предложеніи Платова чрезъ принца Гессенскаго и объ *исходатайствованіи Толя* ни слова; между тѣмъ это обстоятельство чрезвычайно важное, ибо имѣло сильное вліяніе на исходъ Бородинскаго дня. Зачѣмъ же отнимать славу этой мысли у того, кому она принадлежитъ по праву? Чтобы опредѣлить съ историческою точностію кто правъ и кто виноватъ, почтенному автору *своей исторіи*, слѣдовало фактами опровергнуть повѣствованіе Бутурлина и Данилевскаго, но онъ почелъ за лучшее въ этомъ эпизодѣ даже и вовсе

(*) Видимая опечатка, должно быть *ниже Бородина*.

не упоминать о нихъ, и пустить въ ходъ указаніе Клаузевица!

Еще одно замѣчаніе: въ текстѣ показано въ отрядѣ Платова четырнадцать казачьихъ полковъ и двѣ конныя батареи (слѣдовало бы роты, но за симъ въ этомъ сочиненіи гоняться нельзя), а на планѣ позиціи и сраженія, означено только *девять казачьихъ полковъ*, съ нѣсколькими орудіями. Почему же остальные пять полковъ казачьихъ, не показаны на планѣ, расположенными отъ Москвы рѣки по низовью Колочи для наблюденія, какъ это сказано при описаніи позиціи, тогда какъ пѣхотные полки, для того же назначенія, тутъ размѣщенные, на планѣ показаны? Точно такъ же, вездѣ говорится, что въ отрядѣ г. м. Карпова, на старой смоленской дорогѣ были шесть казачьихъ полковъ, а на планѣ означены только пять.

Г. м. Богдановичъ проходитъ молчаніемъ, бралъ ли Платовъ съ собою, на поискъ, донскую артиллерію, или только часть оной, мѣстность тому препятствовать не могла, ибо съ Уваровымъ находилась же конная артиллерія, а донская того времени, была несравненно легче въ дѣйствіи. Во всякомъ случаѣ какъ можно было не упомянуть о 24-хъ орудіяхъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ этой исторіи, говорится даже и о двухъ орудіяхъ съ именемъ начальника оныхъ, подпоручика, или поручика въ случаяхъ ничего незначащихъ?! Единообразный размѣръ въ повѣствованіи, въ особенности о военныхъ дѣйствіяхъ, отстраняя путаницу, отклоняетъ и упрекъ въ пристрастіи, хотя бы нарушеніе этого правила было сдѣлано и безъ умысла.

Изъ девяти казачьихъ полковъ (за откомандированіемъ пяти, какъ замѣчено выше), стоящихъ съ Плато-

вымъ на позиціи, г. м. Богдановичъ называетъ (примѣч. къ XXIII-й главѣ № 4-й) только семь и *часть* атаманскаго, принимавшихъ участіе въ поискѣ, и ни слова не говоритъ, что сдѣлалось съ однимъ *цѣлымъ* казачьимъ полкомъ и большею частью Атаманскаго; были ли они оставлены на позиціи, можетъ быть, для прикрытія артиллеріи — если она оставалась на мѣстѣ; а притомъ отъ кого было и прикрывать ее? Тѣмъ болѣе еще, что впереди, по пути Платова за Колочу, находились, для наблюденія за нею, пять полковъ, незавпсимо егерскихъ. Или, наконецъ, цѣлый полкъ и большая половина Атаманскаго получили другое назначеніе, а то иначе; они вмѣстѣ — съ однимъ полкомъ изъ отряда Карпова, какъ бы исчезли изъ исторіи.

Всѣ эти недостатки, недоговоры, противорѣчія, темныя мѣста и т. п., оставляютъ военнаго читателя, особенно любознательнаго, въ недоумѣніи. Для другихъ же, какое дѣло до этихъ частностей, не они дѣлаютъ оцѣнку сочиненію. Однако же, «Исторія Отечественной Войны 1812 года», составляетъ предметъ, который можетъ заинтересовать и не однихъ военныхъ; а потому точность необходима для изображенія тогдашнихъ подвиговъ всѣхъ сословій нашего отечества. Съ другой же стороны можно ли по всей справедливости требовать, какъ уже замѣчено, чтобы громадный трудъ этотъ не включалъ въ себя всевозможныхъ недостатковъ, когда на составленіе онаго употреблено только *три года!*

О вліяніи, которое имѣло на общій ходъ Бородинской битвы, движеніе Платова и Уварова, Бутурлинъ говоритъ очень коротко, сознавая при томъ, что оно заставило Наполеона потерять много времени. Окуневъ

пишетъ (стр. 194, 195), относительно къ боковому движенію генерала Уварова, что: «Сіе движеніе конницы не имѣло всего ожидаемаго отъ него успѣха при его предпріятіи; но произвело, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую нерѣшимость въ наступательномъ дѣйствіи непріятельскаго центра, коею *русскіе воспользовались* для приведенія въ порядокъ утомленныхъ войскъ». Окуневъ присовокупляетъ, что онъ: «Знаетъ сіе отъ генерала, начальствовавшаго одною изъ пѣхотныхъ дивизій, весьма дѣятельно участвовавшаго въ сей славной битвѣ. Онъ увѣрялъ меня, что весьма было примѣтно въ наступательномъ движеніи Наполеона ослабленіе, которому, въ первую минуту не знали истинной причины; но впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что сіе ослабленіе центра произошло отъ опасенія, возбужденнаго боковымъ движеніемъ Уварова». Жомини одинаково свидѣтельствуетъ (*), что Кутузовъ выигралъ время симъ движеніемъ и, что Наполеонъ, получивши о семъ извѣстіе, пріостановилъ сдѣланное распоряженіе для возобновленія атаки на нашъ центръ и *опасался за свои пути сообщенія* и т. д. Михайловскій-Данилевскій (т. II, стр. 27) говоритъ, что: «Дѣйствія Платова и Уварова, имѣли на участь сраженія вліяніе чрезвычайно важное, вполнѣ оправдавшее ожиданіе князя Кутузова. Лѣвый флангъ нашъ былъ оттѣсненъ, укрѣпленія впереди Семеновскаго, взяты. Наполеонъ уже отдалъ повелѣніе молодой гвардіи двинуться для подкрѣпленія кавалерійскихъ корпусовъ, возобновлявшихъ съ бѣшенствомъ одну атаку за другою, наконецъ, онъ

(*) Vie pol. et milit. de Napoleon. T. 11 p. 226 Edit. de Bruxelles 1842.

въ тоже время приказалъ вице-королю атаковать курганную батарею, и вдругъ измѣнился видъ дѣла. Гвардіи велѣно остановиться и вице-королю не идти въ атаку на батарею Раевскаго. Этого мало. Вице-король и самъ Наполеонъ, завидя кавалерію Платова и Уварова, и произведенную тревогу на лѣвомъ крылѣ и въ тылу, понеслись къ берегамъ Войны, желая удостовѣриться въ силахъ, какія князь Кутузовъ отрядилъ для обхода ихъ и нападенія. Тѣмъ, кто находился въ Бородинскомъ сраженіи, конечно, помятна та минута, когда по всей линіи непріятеля уменьшилось упорство атакъ, огонь видимо сталъ слабѣе, и намъ, какъ тогда, кто-то справедливо замѣтилъ, *можно было свободнѣе вздохнуть*. Вотъ одна изъ главныхъ причинъ, лишившихъ Наполеона возможности воспользоваться побѣдою; уже склонявшеюся на его сторону. Столь счастливый оборотъ былъ непосредственнымъ слѣдствіемъ маневра князя Кутузова, — маневра, до сихъ поръ неоцѣненнаго достойнымъ образомъ» (*).

Г. м. Богдановичъ, съ своей стороны дѣлаетъ слѣдующій выводъ (т. II, стр. 208). «Вообще-же нападеніе Уварова на лѣвое крыло непріятельской арміи, произведенное безъ *содѣйствія пѣхоты*, которое по свойствамъ мѣстности въ окрестностяхъ Бородина, (?) было необходимо, не имѣло *рѣшительныхъ послѣдствій*, но принесло намъ большую пользу, *заставя Наполеона потерять въ бездѣйствіи около двухъ часовъ;* въ продолженіе которыхъ *мы успѣли усилить* нашъ центръ

(*) Г. м. Богдановичъ, какъ видѣли выше, приписываетъ первую мысль онаго, Платову, что при тщательномъ обзорѣ матеріяловъ, должно объясниться,

войсками съ праваго крыла и изъ резерва и занять промежутокъ образовавшійся между батареею Раевскаго и Семеновскимъ. Здѣсь ссылки на Шамбре и на Тьера (*). Я недоумѣваю, какимъ образомъ могло составиться подобное разсужденіе! Движеніе Уварова (замѣтьте, о Платовѣ опять ни слова) *не имѣло рѣшительныхъ послѣдствій!* и тотчасъ вслѣдъ, за тѣмъ, что это движеніе *заставило Наполеона потерять въ бездѣйствіи около двухъ часовъ;* что въ это время мы *успѣли усилить нашъ центръ войскомъ съ праваго фланга и изъ резерва и занять промежутокъ, образовавшійся между батареею Раевскаго и Семеновскимъ.* Это бездѣлица по мнѣнію г. м. Богдановича; да какія бы могли быть послѣдствія, если бы мы не имѣли времени сдѣлать всѣ эти распоряженія? — Пусть почтенный авторъ прочитаетъ только написанное имъ же, что когда, послѣ потерянныхъ Наполеономъ двухъ часовъ времени, давшихъ намъ возможность сдѣлать помянутыя передвиженія, непріятель напалъ на центральную батарею и *занятый* уже нами промежутокъ между оною и Семеновскимъ, то какія усилія мы должны были употребить противу натиска многочисленной — непріятельской конницы и колонны его пѣхоты, чтобы устоять, но и то не на всѣхъ пунктахъ? Что-же было бы, повторяю, если-бы мы не имѣли возможности *воспользоваться* этими *двумя часами?*... Конечно, тогда были-бы *рѣшительныя послѣдствія* и для насъ, и для непріятеля, но совершенно одинѣ другимъ противоположны. Остается только удивляться, какъ могло помянутое разсужденіе быть написано, и запмствованное только изъ двухъ

(*) Приложеніе къ XXIII главѣ, № 6-й.

французскихъ повѣствователей, изъ коихъ одинъ, точно такъ же, какъ и нашъ почтенный исторіографъ, не былъ въ дѣлѣ, слѣдовательно они оба компилировали и на попавшую подъ глаза тему — фантазировали.

Вслѣдъ за послѣдними, вышеприведенными словами, читается слѣдующее: «Князь Кутузовъ *полагалъ*, что при этомъ нападеніи наша кавалерія могла-бы одержать болѣе рѣшительные успѣхи». Это опять откуда почерпнуто? — Ни здѣсь, ни до самаго конца параграфа цитата нѣтъ, а онъ видимо былъ необходимъ, ибо свидѣтельствуетъ *мнѣніе Кутузова*. Если-бы почтенный авторъ находился тутъ на лицо самъ, то авторитетъ его былъ-бы несомнителенъ — все равно, слышалъ-ли бы онъ самъ отъ Кутузова, что онъ надѣялся на большіе успѣхи, или тогда-же сказали о томъ другіе; но, какъ ни того, ни другаго не было, слѣдовательно, повторяю, и цитатъ былъ необходимъ; иначе, по мнѣнію самаго-же исторіографа, заявленному въ 1-мъ № «Военнаго Сборника» за 1858 годъ, пришлось-бы вѣрить всему тому, что разсказываетъ Мюнхгаузенъ въ своемъ твореніи, извѣстномъ у насъ въ переводѣ «не любо, не слушай; и т. д.». Г. м. Богдановичъ продолжаетъ, «изъ донесенія Уварова видно, что ему было приказано *отвлечь* непріятеля отъ покушеній на вторую армію, но что въ послѣдствіи онъ получилъ отъ Барклая и отъ самого Кутузова *повелѣнія* (*) возвра-

---

(*) Значитъ *письменное*, ибо иначе, сказано было бы *приказаніе*, а если письменное, то не въ немъ ли находится свѣдѣніе Кутузова, что наша кавалерія могла бы одержать болѣе *рѣшительные успѣхи*? Повелѣніе это необходимо было-бы приложить.

тится на позицію. — Выше видно было, что Уваровъ вполнѣ оправдалъ свое назначеніе — *отвлекъ* вниманіе непріятеля отъ второй арміи, заставивъ его потерять около двухъ часовъ времени, что, въ самомъ концѣ августа, по краткости дня, весьма важно. Слѣдовательно, по соображеніямъ Кутузова въ безполезности дальнѣйшаго пребыванія конnаго отряда на изрѣзанной мѣстности, онъ и послалъ приказаніе, или *повелѣніе* возвратиться, а можетъ быть онъ это сдѣлалъ и съ другой цѣлію, ниже изложенною.

За симъ слѣдуетъ собственно критическое разсужденіе почтеннаго автора: «Дѣйствія нашего отряда могли-бы имѣть *болѣе* важныя послѣдствія (а какія, не сказано) *только тогда*, когда онъ былъ-бы въ значительныхъ силахъ и состоялъ изъ всѣхъ родовъ войскъ, или *еслибъ* Уваровъ получилъ *опредѣлительную инструкцію* (!), въ которой было-бы *ясно выражено*, что отрядъ его назначается для рѣшительнаго удара въ тылъ непріятеля и что эту атаку слѣдовало повести даже и въ такомъ случаѣ, еслибы нашъ отрядъ подвергался *совершенному пораженію*».

Относительно состава отряда Уварова въ значительныхъ силахъ, изъ всѣхъ родовъ войскъ, я замѣчу, что г. м. Богдановичъ самъ-же описалъ мѣстность противу нашего праваго фланга, по которой значительный отрядъ въ составѣ всѣхъ родовъ войскъ, не иначе могъ двигаться, какъ чрезвычайно медленно, а это дало-бы время и возможность непріятелю притянуть къ защитѣ необходимое число войскъ, что по близости его массъ и удобству мѣстности ему очень было-бы легко сдѣлать (*). И разъ отбивши нашъ натискъ, весь отрядъ подвер-

(*) Частію онъ и исполнилъ это противу конницы Уварова.

гался истребленію при отступленіи чрезъ нѣсколько рѣчекъ съ крутыми и обрывистыми берегами, оврагами и другими значительными физическими препятствіями. А при томъ, откуда-бы взялась у насъ пѣхота, которая должна была въ такомъ отрядѣ быть въ силѣ? Здѣсь нуженъ былъ отважный кавалерійскій налетъ легкой конницы, и въ особенности казаковъ; тутъ дѣло шло не объ упорныхъ схваткахъ, а о быстротѣ, а можетъ быть и для того, чтобы усмотрѣть, какое вліяніе это произведетъ на непріятеля чтобы въ послѣдствіи воспользоваться симъ, о чемъ скажется далѣе.

Что-же касается до того, что если-бы Уваровъ получилъ *опредѣлительную инструкцію* съ яснымъ выраженіемъ, что отрядъ его назначается *для рѣшительнаго удара въ тылъ непріятеля*, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ отрядъ этотъ подвергался *совершенному пораженію* — то, признаюсь, я не совсѣмъ понимаю смыслъ этихъ словъ! Для генерала, уполномоченнаго на такой подвигъ, всякая *опредѣлительная инструкція* только-бы стѣснила его въ распоряженіяхъ, ибо заблаговременное опредѣленіе дѣйствій зависитъ не отъ тѣхъ, которые составляютъ *инструкцію*. Въ подобныхъ случаяхъ *опредѣлительность опредѣляется* моментами дѣйствій, и потому совершенно зависитъ отъ исполнителя; и наконецъ, какую-бы пріобрѣли пользу', еслибы начальникъ отряда, при видимой на мѣстѣ невозможности имѣть какой-либо успѣхъ — руководствовался-бы — *ясно выраженной и опредѣлительной инструкціей*, написанной за нѣсколько верстъ отъ мѣста дѣйствія, и подвергъ-бы ввѣренный ему отрядъ — *совершенному пораженію?* Какая-бы была въ томъ польза? повторяю. А вотъ какая: непріятель успѣхомъ симъ

воодушевился бы, а въ нашихъ рядахъ послѣдовало бы уныніе — первый шагъ къ потерѣ духа, который составляетъ главнѣйшіе качества воина. Такъ, если-бы въ этой *ясно выраженной опредѣлительной инструкціи* сказано было, что для успѣха въ главныхъ предначертаніяхъ, Уваровъ не долженъ останавливаться въ дѣйствіяхъ своихъ и тогда даже, когда-бы — подвергалъ отрядъ свой значительной потери людей, или что-либо подобное, но уже никакъ *совершенному пораженію*. Конный отрядъ, послѣ многихъ безуспѣшныхъ атакъ, не подвергается еще столь сильному, и такъ опредѣлительному выраженію *совершеннаго пораженія!*

Сознаюсь, повторяю, мнѣ никогда не случалось слышать о подобныхъ предписаніяхъ подъ названіемъ *инструкцій*, да еще *опредѣлительныхъ ясно выраженныхъ!* Между-же тѣмъ, по роду моей службы мнѣ случалось, съ 1808 по 1830 годъ, переписывать и писать съ диктовки подобныя распоряженія лицъ, очень *понимающихъ дѣло*. Все, что относилось до боевыхъ распоряженій по войскамъ, называлось *диспозиція, дополненіе къ оной, предписаніе, приказаніе*, пожалуй, и *секретное*, даже пусть *наставленіе, разъясненіе* въ случаѣ нужды, но все-таки не *инструкція*, которая, по принятому правилу, дается только обревизпрователямъ какого-либо департамента, провіантской или коммисаріатской коммисіи, партіоннымъ офицерамъ и т. п. По крайней мѣрѣ, въ мое время, въ военной бюрократіи это было такъ принято. Столь же странно было-бы слышать, что получившій порученіе обревизовать департаментъ, коммисію и т. п., или дипломатъ, для руководства въ своихъ сношеніяхъ и оба, вмѣсто прямаго слова, въ подобныхъ случаяхъ *инструкція*, были-бы снабжены

диспозиціею! Сколько странно слышать, что генералъ, долженствующій тотчасъ атаковать непріятеля, получаетъ *инструкцію!* Я нахожу въ этихъ двухъ случаяхъ ту же оригинальность, что когда-бы кто въ руководствѣ обязанностей написалъ: «имѣть наблюденіе, *чтобъ было достаточно дровъ для пищеваренія»*, вмѣсто — *для варенія пищи;* не то-ли же самое, что *инструкція* и *диспозиція?* Всѣ эти названія имѣютъ свое спеціяльное значеніе въ военной *терминологіи.*

Относительно-же содержанія помянутой *опредѣлительной инструкціи*, повелѣвающей, не смотря ни начто, атаковать непріятеля, если-бы даже пришлось и потерпѣть *совершенное пораженіе*, то и этого выраженія, безъ особенныхъ къ тому добавленій, въ продолженіе всей моей боевой службы, не приходилось нигдѣ встрѣчать, да и послѣ, до самаго появленія настоящей книги, гдѣ-либо и читать. Впрочемъ, у почтеннаго автора встрѣчается много подобныхъ *нововведеній*, какъ напримѣръ, по мимо названій полковъ никогда въ русской арміи несуществовавшихъ и т. п., но *лѣвое* называть *правымъ*, а *правое лѣвымъ;* дѣйствовать по *столпившимся обозамъ*... Это ново по крайней мѣрѣ для меня. *Толпа обозовъ!* Въ мое время сказали-бы: по *стянувшимся*, по *скопившимся обозамъ* и т. п., но ни въ какомъ случаѣ по *столпившимся! Толпа обозовъ.* Какъ-то странно. Впрочемъ, пословица говоритъ: *Вѣкъ живи — вѣкъ учись.* Но пора обратиться опять къ Платову и Уварову.

Впечатлѣніе, произведенное на непріятеля движеніемъ нашего праваго фланга, должно быть тщательно разсмотрѣно и перебрано все то, что пишутъ иноземцы-свидѣтели и слышавшіе тогда-же о безпорядкѣ, проис-

шедшемъ на этомъ флангѣ, о чемъ вскользь упоминаетъ и самъ г. м. Богдановичъ. Суматоха, на возвышеніи отъ Бородина по направленію къ Колоцкому монастырю, была ясно видна отъ Горокъ, и съ какою поспѣшностію многія палатки были сняты!

Что касается собственно моего мнѣнія, основаннаго на многихъ заключеніяхъ и разсужденіяхъ, въ то же время и въ послѣдствіи, лицъ, свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ, изъ коихъ, нѣкоторыя и участвовали въ этомъ поискѣ, то я вполнѣ убѣжденъ, что, даже послѣ того, что Уваровъ не успѣлъ сломить каре, и когда Платовъ произвелъ описываемый безпорядокъ въ непріятельской пѣхотѣ, около Беззубова, первый отошелъ-бы, какъ онъ это и сдѣлалъ, обратно чрезъ Колочу, на прежнюю свою позицію, а Платовъ скрытно принялъ бы вправо чрезъ Логиново, если нельзя этого сдѣлать около Беззубова, и перенесся бы на путь, приведшій Наполеона къ Бородину, то произвелъ бы въ тылу его арміи сильную тревогу. Колоцкій монастырь, заваливаемый ранеными въ продолженіе цѣлаго дня; снаряды, обозы военные, и въ особенности частные, и маркитанты, на этомъ пространствѣ, услышавъ выстрѣлы и крики ура и другіе, хотя бы при ложныхъ атакахъ, распространили бы ужасъ (*) до самыхъ рядовъ арміи, утомленной жестокою, въ продолженіе цѣлаго дня битвою, терпящей издавна голодъ; съ конницею, которая изнурена и разстроена была до высочайшей степени. Поискъ части казаковъ, по направленію на Гжатскъ,

(*) Только одно появленіе, и *еще днемъ*, Платова и Уварова было уже поводомъ къ безпорядкамъ и безотчетной паники въ обозахъ.

также заваленный больными, какъ и на всемъ протяженіи отъ Колоцкаго монастыря; отсталые и мародеры — всегда въ большомъ количествѣ находившіеся въ то время на дальныя разстоянія въ тылу тогдашнихъ французскихъ армій, все это неминуемо должно было произвести смятеніе. Нѣсколько же выстрѣловъ изъ донской артиллеріи могло имѣть неисчислимыя послѣдствія, — въ особенности же принявъ въ соображеніе, что между французами, тревога въ тылу, дѣлаетъ на нихъ особенное впечатлѣніе. Если же присоединить еще къ сему удачный набѣгъ (въ успѣхѣ котораго нельзя было-бы и сомнѣваться), а Колоцкій монастырь (**), истребленіе находившихся тутъ госпитальныхъ фуръ и медицинскихъ потребностей и лицъ; перехватъ снарядовъ и части продовольствія, шедшихъ изъ Смоленска и находившихся въ то время около Гжатска и, едва-ли частію не по сю сторону, подъ слабымъ прикрытіемъ, которое отъ внезапнаго и никакъ неожиданнаго нападенія, не могло-бы охранить длинной вереницы зарядныхъ ящиковъ, фуръ и повозокъ, и должно было-бы разъѣзжаться и предоставить все въ добычу.

Платовъ могъ, оставивъ на мѣстѣ, даже отъ 1,500 до 2,000 человѣкъ, имѣть съ собою еще отъ трехъ до трехъ съ половиною тысячъ казаковъ, при которыхъ могла находиться и часть донской артиллеріи. Ему не

(*) Говорили въ свое время, и въ послѣдствіи изъ разговоровъ близкихъ къ Платову, можно было заключить, что онъ предлагалъ этотъ налетъ, но что предложеніе не было принято. Положительно-же въ запискахъ (П. Ѳ.) Богдановича, Кузнецова и Иловайскаго сказано, что Платовъ, возвращаясь съ поиска, приказалъ полковымъ командирамъ замѣчать мѣстность на случай возвращенія ночью.

предстояло никакой опасности; пространство было въ его распоряженіи; оставшіеся жители преимущественно скрывшіеся въ окрестныхъ убѣжищахъ, были озлоблены на врага, содѣйствовали-бы казакамъ наблюденіями и указаніями своими. Непріятель не имѣлъ средствъ преслѣдовать Платова и его партіи отдаленно отъ главной массы своихъ войскъ, конница его была-бы вѣрною жертвою.

При такомъ положеніи дѣлъ, Наполеону трудно было-бы на другой день оставить мѣсто битвы и слѣдовать за нашей арміей. Или, онъ долженъ-бы былъ значительно себя ослабить, оставивъ болѣе сильный отрядъ на мѣстѣ, чѣмъ около 8,500 вестфальцевъ съ Жюно, который былъ-бы въ такомъ случаѣ не въ силахъ прикрывать въ Можайскѣ и Колоцкѣ магазины, раненыхъ, больныхъ и обезпечивать пути, или, наконецъ, отказаться идти на Москву. По сказанію г. м. Богдановича, Наполеонъ уже колебался по причинѣ недостатка снарядовъ, послѣ бородинской битвы. Платовъ же, по соображеніямъ главнокомандующаго, всегда имѣлъ возможность, въ данный моментъ присоединиться къ арміи, ибо ограничивался-бы только истребленіемъ врага, отъ Колоцкаго монастыря до Гжатска, ближайшихъ къ арміи непріятельскихъ госпиталей. Съ подобнымъ подготовленіемъ Платовымъ, въ ночь послѣдовавшую за битвой, не мудрено, что предначертаніе атаковать непріятеля, 27-го числа съ разсвѣтомъ, положило-бы конецъ его дальнѣйшему движенію, и можетъ быть, съ важными послѣдствіями.

Поясняя весь этотъ эпизодъ, критику слѣдуетъ принять въ соображеніе и къ обсужденію еще слѣдующее: приказаніе Платову и Уварову — возвратиться съ пол-

ска на позицію было отдано около третьяго часа пополудни, когда Кутузовъ былъ еще въ твердой рѣшимости, атаковать непріятеля въ шесть часовъ утра слѣдующаго дня. Солнце было еще высоко, и ничто не мѣшало Платову и Уварову — продолжать, по обстоятельствамъ, присутствіемъ своимъ тревожить непріятеля, у котораго произошло уже смятеніе въ обозахъ и т. п. и вѣсть эта тотчасъ разнеслась по всей его арміи, встревоживъ самого Наполеона: Уваровъ, по приказанію Барклая, отступилъ, и не переходя Колочи, остановился на лѣвомъ ея берегѣ. Но Кутузовъ повторилъ Уварову приказаніе, возвратиться на позицію, что онъ и исполнилъ уже вечеромъ. Переносясь въ ту эпоху, перебирая остающіеся еще свои записки, и приводя себѣ на память все, что было говорено въ то время, и въ послѣдствіи, я невольно прихожу къ тому заключенію, что Кутузовъ, отзывая такъ рано Уварова и въ особенности Платова, обратно на позицію, дѣлалъ это не безсознательно, или безъ разсчета, но съ цѣлію усыпить вниманіе непріятеля съ этой стороны, и заставить его думать, что этимъ ничтожнымъ набѣгомъ кончается и все предпріятіе наше на лѣвое крыло его арміи. Между тѣмъ, усмотрѣвъ нравственное вліяніе, произведенное этимъ поискомъ, нашъ главнокомандующій очень вѣроподобно предоставлялъ себѣ возобновить оный съ большею энергіею, одновременно съ наступленіемъ нашей арміи, въ слѣдующее утро. Но такъ какъ это послѣднее предположеніе отмѣнено около десяти часовъ вечера (*), то и поискъ Платова и Уварова, не имѣлъ

(*) Все, что относится до этого предначертанія Кутузова, въ которомъ онъ стоялъ твердо въ продолженіе около восьми

тѣхъ результатовъ, которыхъ были въ *правѣ ожидать*, и несомнѣнно, если-бы мысль атаковать непріятеля до разсвѣта, въ слѣдующій день не родилась уже у Кутузова, то онъ не отозвалъ бы *такъ рано* Уварова и въ особенности Платова, который, продолжая угрожать тылу оконечности лѣваго непріятельскаго крыла, понудилъ бы Наполеона обратить еще большее вниманіе. Извѣстно, что внезапное появленіе нашихъ войскъ на этомъ мѣстѣ, заставило вице-короля итальянскаго немедленно притянуть изъ центра къ угрожавшемуся пункту часть пѣхоты, которая, по отступленіи Платова и Уварова, вновь присоединилась къ войскамъ, готовившимся къ нападенію на нашу центральную батарею. Вотъ и еще обстоятельство, которое критикъ не долженъ будетъ пройти молчаніемъ. Продолжай Уваровъ занимать непріятеля отдѣльными атаками, а Платовъ прими еще правѣе Беззубова и переправься на лѣвый берегъ Войны, повернись потомъ круто влѣво, угрожая Колоцкому монастырю и пути въ Гжатскъ, сомнительно, предпринялъ-ли бы Наполеонъ, свою атаку на нашу центральную батарею, безъ войскъ вице-короля, которые неотмѣнно должны были стянуться къ угрожавшемуся пункту, и въ особенности къ Колоцкому монастырю — центральному перевязочному пункту; или долженъ былъ употребить для сего послѣдній свой резервъ — около восьмидесяти тысячъ гвардіи, на что едва-ли бы онъ рѣшился, отказавъ

часовъ времени и дѣлались нужныя къ тому предварительныя распоряженія, и о внезапномъ измѣненіи этого намѣренія, а равно и представлявшіеся шансы въ этомъ предпріятіи, будутъ разсмотрѣны въ особой статьѣ.

не разъ сдѣлать это въ самые рѣшительные моменты дня.

Словомъ, все, что относится къ этому движенію, должно быть совокупно съ показаніями французскихъ писателей, разобрано критически, лицемъ знакомымъ съ мѣстностію, съ характеромъ и свойствами войскъ обѣихъ воюющихъ сторонъ и притомъ твердо знающимъ то, за что берется, иначе же все останется самопроизвольнымъ наборомъ словъ, перемѣшанныхъ фразами, одна другимъ противорѣчащими, но отнюдь не наукой. Такъ не пишутся и порядочныя повѣсти и похожденія, а еще менѣе книги подъ громкимъ названіемъ *Исторія*. Эта послѣдняя требуетъ другихъ условій, которыя не для всѣхъ легко доступны. Чинъ, званіе и случайность, имѣютъ свое почетное мѣсто въ служебной іерархіи, но при подобныхъ занятіяхъ, и то и другое недостаточно. Одна критика, и критика самая строгая (*), обнажаетъ истину. *Гдѣ нѣтъ критики, тамъ всякая похвала — злая насмѣшка.*

Умалчиваю о другихъ эпизодахъ Бородинской битвы, вызывавшей критику, часто несогласную между собою при обсужденіи одного и того-же обстоятельства; все это требуетъ разсмотрѣнія и сближенія разногласій и взглядовъ многочисленныхъ повѣствователей. Трудъ, по моему мнѣнію, превышающій силы одного человѣка,

(*) Мы встрѣчаемъ оную нынѣ, во многихъ періодическихъ изданіяхъ, не стѣсняющихся указывать на промахи при разработкѣ отечественной исторіи. Откровенное высказываніе истины, не должно стѣснять критика, въ указаніяхъ безсмысленности авторовъ, иначе, часто ихъ оффиціальное значеніе на степеняхъ ученыхъ званій останется авторитетомъ.

какъ это уже замѣчено мною въ другомъ мѣстѣ. Изъ общихъ-же взглядовъ на эту битву въ критическомъ отношеніи, по моему мнѣнію, болѣе удовлетворительные, суть: Жомини, Окунева, Пеле и Шапюи, которые, за всѣмъ тѣмъ, одинаково требуютъ вмѣстѣ съ другими критическаго сближенія. Г. Окуневъ, приступая къ длинному критическому разбору этой битвы, начинаетъ слѣдующими словами: и (*) «Когда презрѣніе жизни, ознаменовалось въ чертахъ разительнѣйшихъ, нежели въ битвѣ Бородинской? Сіи славные греки, положившіе животъ въ тѣснинахъ термопильскихъ, или сія горсть храбрыхъ, погребшаяся подъ развалинами Мисолунги; чѣмъ могутъ превзойти въ величіи самопреданія и непоколебимаго мужества сіи двѣ огромныя арміи, остановившіяся на полѣ сраженія, дабы побѣдить или умереть? Уже кровь восьмидесяти тысячъ героевъ омыла сію долину, священную для храбрыхъ всѣхъ народовъ; но мужество не ослабѣло; нравственное опьяненіе, претворившееся въ кровавую жажду, еще не насытилось. Казалось, что оба сіи колосса хотѣли погребстись подъ собственными развалинами, и представили бы, наконецъ, безъ сомнѣнія, объятой ужасомъ Европѣ, единственный примѣръ двухъ армій, истребившихъ одна другую въ спорѣ за побѣду, ежели бы полководцы, сами устрашенные горами тѣлъ, повсюду поражавшими взоры ихъ, не остановили битвы. Сколько дѣяній блистательныхъ погибло въ семъ хаосѣ крови и убійства! Сіи мученики любви къ отечеству расплатились съ родинами своими; они выкупили ихъ цѣною собственной крови, и оставили пережив-

(*) Я сохранилъ въ подлинникѣ русскій переводъ стр. 181.

шимъ ихъ святой долгъ столько чтить память ихъ, сколько заслуживаетъ того великодушіе, съ которымъ всѣ они обрекли себя на смерть» (*).

Вслѣдъ за симъ онъ приступаетъ къ подробному критическому анализу этого сраженія, исчисляя ошибки, происшедшія, какъ въ расположеніи нѣкоторыхъ частей войскъ, такъ и движеній, замѣчая между прочимъ, «почти всѣ сіи ошибки исправлены храбростію войскъ». Этими нѣсколькими словами, онъ вѣрно изображаетъ характеръ битвы. — Въ другомъ мѣстѣ, разсуждая о мнѣніи нѣкоторыхъ писателей, полагавшихъ, что если-бы Наполеонъ, употребилъ главное усиліе на натискъ нашего лѣваго фланга, въ Утицѣ, то могъ вогнать нашу армію въ уголъ образуемый Колочею при впаденіи своемъ въ Москву рѣку. П. Окуневъ опровергаетъ это нелѣпое заключеніе пространнымъ разсмотрѣніемъ со всѣхъ сторонъ ихъ выводовъ и очень справедливо заключаетъ, что «предположивъ даже, чтобы хотѣли загнать такимъ образомъ 130,000 овецъ, я бьюсь объ закладъ, что половина изъ нихъ уйдетъ.».

Г. м. Богдановичъ, въ своей исторіи, не обратилъ никакого вниманія на труды своего соотечественника относительно Отечественной Войны, и даже ни разу не сослался на его мнѣніе, хотя бы съ одной цѣлію опровергнуть оное! Между тѣмъ, всѣ сочиненія П. Окунева были приняты ученою Европою за образцовыя, что свидѣтельствуется многими современными отзывами въ разныхъ европейскихъ военныхъ журналахъ. Вотъ что, между прочимъ сказалъ генералъ Жомини (Аналитическая картина и т. д.) о книгѣ П. Окунева: «*разсмотрѣніе свойствъ трехъ родовъ войскъ*» — «Изъ всѣхъ

(*) Такъ ли это нынѣ?

писателей, занимающихся симъ предметомъ, полковникъ Окуневъ есть безспорно тотъ, который раскрылъ его съ большею проницательностію и наилучшимъ успѣхомъ. — Онъ долженъ быть изучаемъ каждымъ офицеромъ, который имѣетъ хотя малѣйшее желаніе познать основательно правила войны».

Оставляя подобныя многозначительныя и многочисленныя засвидѣтельствованія о достоинствѣ сочиненій П. Окунева по разнымъ отраслямъ военныхъ знаній, обращусь къ его сочиненію о войнѣ 1812 года, какъ къ предмету, прямо принадлежащему къ настоящему дѣлу.

Французскаго генеральнаго штаба полковникъ Жапенъ, по выходѣ помянутаго сочиненія П. Окунева, помѣстилъ (въ Observateur militaire T. VIII, p. 344) пространный разборъ этого сочиненія, гдѣ, между прочимъ, напечатано слѣдующее: «Хотя г. полковникъ Окуневъ и не заявилъ намѣренія писать исторію россійскаго похода, но подъ скромнымъ названіемъ *разсужденіе*, представляетъ онъ быструю и живую картину сего слишкомъ славнаго событія. — Онъ предваряетъ его топографическимъ описаніемъ большаго очерка и стратегическими разсужденіями, достойными величайшаго вниманія».

За симъ слѣдуетъ изложеніе всего сочиненія, прерываемое примѣчаніями, какъ напр. «выгоды и неудобства движенія къ Рудиѣ, составляютъ предметъ глубокаго разсужденія, въ которомъ авторъ, не оставляя отечественнаго характера, даетъ опытъ *величайшей независимости въ своихъ сужденіяхъ* (*). Онъ вступаетъ

(*) Независимость своихъ сужденій! Многіе-ли могутъ симъ похвалиться? Впрочемъ и то надо сказать: *сужденіе* и *суждепіе* бываютъ разнородны и опредѣляются степенями *понимапія* предмета, о которомъ разсуждаютъ.

въ преніе съ сочинителями, ему предшествовавшими, и должно признаться, что иногда ихъ побѣждаетъ »

Еще слѣдующее: «П. Окуневъ, разбирая различныя примѣчанія на отступленіе русской арміи отъ Смоленска къ Москвѣ, пользуется симъ случаемъ для изложенія блистательныхъ идей о перемѣнѣ *линій военнаго дѣйствія*» (*).

Оставляя и это, перехожу еще ближе къ предмету, а именно, къ Бородину. Полковникъ Жаненъ продолжаетъ: «описаніе Бородинскаго поля сраженія *ясно-точно* и сопровождается весьма *умными разсужденіями*. — Распредѣленіе на ономъ войскъ обсуждено съ отличнымъ дарованіемъ. Авторъ не ищетъ скрыть его недостатковъ, конхъ поправку весьма хорошо указываетъ; а въ разсужденіяхъ своихъ о самомъ дѣйствіи, вскорѣ *оправдываетъ правила своими примѣрами*.»

«Мнѣніе его объ ошибкѣ французскаго военачальника въ семъ дѣлѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія.»

«Иногда, авторъ (Окуневъ), оставляя тонъ дидактическій, предается чувству души военной, и не въ силахъ будучи противиться воспоминаніямъ о величіи сего воинскаго событія, выражаетъ самый благородный восторгъ.»

Критикъ оканчиваетъ статью свою слѣдующими словами: «Симъ заключается примѣчательное сочиненіе сіе, которое должно занять мѣсто въ каждой военной библіотекѣ, для чтенія, съ удовольствіемъ и пользою, военныхъ людей всѣхъ званій.»

(*) Здѣсь длинное разсужденіе правильности взглядовъ П. Окунева на этотъ предметъ, оправданный впослѣдствіи движеніемъ князя Паскевича въ Варшавѣ, и т. п.

Г. м. Богдановичъ, конечно имѣлъ свой особенный взглядъ на труды предшествовавшихъ ему нашихъ соотечественниковъ. Бутурлинъ и Данилевскій, хотя и порядочно отдѣланные въ концѣ третьяго тома, но удостоились быть иногда цитированными; а случается и то, что мнѣнія ихъ введены безъ цитата. — Но ни Ахшарумовъ, ни Окуневъ, не заслужили этой чести.— Полковникъ Ахшарумовъ, по мнѣнію г. м. Богдановича», *недостаточно былъ приготовленъ къ занятію по военной исторіи*, не воспользовался данными ему средствами и написалъ книгу, *заслуживающую* вниманіе *только потому*, что она была первымъ русскимъ сочиненіемъ «о войнѣ 1812»! Д. П. Ахшарумовъ, всю войну находился адъютантомъ Коновницына. По окончаніи борьбы, когда Коновницынъ былъ назначенъ военнымъ министромъ, онъ поручилъ (*) Ахшарумову описать помянутую войну, и для удобства назначили его дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ корпусъ графа Воронцова, оставшійся во Франціи. Я былъ очень близкимъ свидѣтелемъ добросовѣстныхъ его занятій, о чемъ подробно излагается въ общихъ замѣчаніяхъ.

(*) Г. м. Богдановичъ говоритъ *исходатайствовалъ*. Но это слово *неумѣстно*. Надо знать, что такое былъ Коновницынъ: онъ ни въ какомъ случаѣ не *ходатайствовалъ* бы въ этомъ отношеніи о человѣкѣ, если-бы онъ не обладалъ необходимыми къ тому условіями. Ахшарумова же онъ могъ оцѣнить и по теоретическимъ познаніямъ и по опытности, какъ своего спутника — во всѣхъ опасностяхъ — а потому я принимаю слово *исходатайствовалъ* въ полномъ смыслѣ всего того, что почтенный исторіографъ сказалъ въ своемъ сочиненіи о Коновницынѣ и объ Ахшарумовѣ, — о первомъ, какъ о военномъ министрѣ, а о второмъ, какъ исторіографѣ войны, 1812 года, за *анахронизмъ*.

Объ Окуневѣ вотъ, между прочимъ, что говоритъ г. м. Богдановичъ; «Авторъ, принявъ на себя обязанность профессора, научаетъ читателей своихъ (*), представляя въ видѣ безусловныхъ правилъ выводы, имъ сдѣланные на основаніи теоріи генерала Жомини» (но гдѣ-же эти безусловныя правила?). «Нельзя не замѣтить, что послѣдователи Жомини, позабывъ, что важнѣйшею его заслугою было освобожденіе любознательныхъ военныхъ людей отъ стѣснявшихъ ихъ односторонннихъ теорій, подчиняясь началамъ, которыя самъ онъ не признавалъ безусловными. Отъ этого произошелъ тотъ *узкій критическій взглядъ на военныя дѣйствія*, которымъ отличились: Маккъ, Вейротеръ, Мфуль и *подобные педанты* (ergo.....) *Такая ученость, стѣсняющая свободу мышленія, вреда не менѣе невѣжества.*»

Значитъ, что всѣ, отзывавшіеся о сочиненіяхъ П. Окунева, въ особенности о войнѣ 1812 года, не понимали военнаго дѣла въ той высокой степени, которую занимаетъ почтенный авторъ *своей исторіи*.

На сей разъ ограничиваюсь только вышеприведенными примѣчаніями на исторію «Отечественной войны 1812 года», большею частію невошедшими въ особую книгу. «Замѣчаній на помянутое сочиненіе», которое въ этомъ отношеніи, представляетъ неисчерпаемый источникъ, какъ это будетъ видно изъ помянутыхъ замѣчаній. Желательно, чтобы при изложеніи послѣдующихъ за 1812 годомъ войнъ, для описанія коихъ, какъ увѣряютъ, г. м. Богдановичъ собираетъ уже матеріялы,

---

(*) Какъ это онъ смѣлъ! Не правда-ли? Какая дерзость. Г. м. Богдановичъ и меня, въ своей статьѣ («Воен. Сборникъ» № 1-й 1858 года) облекъ въ докторскую мантію!

онъ былъ болѣе точенъ и менѣе противорѣчилъ самому себѣ, тѣмъ болѣе, что для исторіи войны 1813 и 1814 годовъ найдется болѣе читателей-участниковъ, нежели для исторіи войны отечественной, и эти участники подвергнутъ трудъ его строжайшему разбору.

М. Липранди.

2007110183